

Ученіе Гегеля о реальности и всеобщности мысли.

1. Реальность мысли.

Современная философская мысль, работая надъ пониманіемъ и усвоеніемъ великихъ системъ нѣмецкаго идеализма, встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ глубокихъ и серьезныхъ затрудненій, которыя ей необходимо преодолѣть. Эти затрудненія объясняются не только сложной логической структурой самихъ ученій, но и чрезвычайнымъ своеобразиемъ того внутренняго философскаго опыта, въ научно-теоретическомъ истолкованіи котораго эти ученія выросли и сложились. Для философіи Гегеля это имѣетъ особенное значеніе. Вся система его посвящена теоретическому изложенію того, что предстало ему въ его внутреннемъ мыслительномъ опытѣ, того, что познавательно открылось ему, въ видѣ самой абсолютной истины. Внутренній опытъ, открывшій ему истину, былъ опытъ *мысли*; поэтому предметъ, представшій ему, долженъ былъ имѣть неизбѣжно форму логическую, форму смысла, понятія. Однако мышленіе, осуществлявшееся имъ, было настолько насыщено работою воображенія, что чистая безобразность логическаго понятія, уступила свое мѣсто своеобразному конгломерату изъ смысла и образа; это былъ образный смыслъ, или понятіе неизмѣнно облеченное во образъ. Естественно, что философія его, слагаясь, подобно ученію Платона, въ элементѣ „образнаго понятія“, должна была неминуемо уклониться отъ путей и традицій формальной логики: предметъ мысли

долженъ былъ утратить чисто логическій характеръ и включить въ себя элементы эстетико-онтологическіе. Этотъ своеобразный и глубоко поучительный процессъ *де-рационализациіи* понятія усиливался и усложнялся тѣмъ категорическимъ отождествленіемъ *процесса мышленія съ мыслимымъ содержаніемъ*, на которомъ Гегель настаивалъ сознательно и принципиально. Въ результатѣ этого отождествленія образное понятіе само превращалось въ процессъ мышленія, но не въ человѣчески-субъективный, а въ объективный процессъ, свободный отъ эмпирической ограниченности и не прикованный къ чувственно-конечному содержанію. Человѣческая душа, чтобы пріобщиться философскому познанію, должна, по ученію Гегеля, сдѣлать нѣкоторыя внутреннія усилія, насыщающія мысль работою воображенія, заставляющія угаснуть дурную субъективность души, и отдающія силу мысли самозабвенной жизни въ объективномъ содержаніи. Тогда душа вступаетъ въ сферу „спекулятивной мысли“, передъ ней открывается новый порядокъ вещей, въ созерцаніи котораго она теряетъ *себя*, какъ таковую, и за то обрѣтаетъ новую жизнь, органически поглощенную силою высшей Сущности. Эта высшая Сущность есть сама *Божественная Субстанція*, разумная спекулятивной разумностью, *реальная* абсолютной реальностью и творчески пронизывающая всякое бытіе, въ качествѣ единой и *всеобщей* силы.

Со вступленіемъ въ область спекулятивнаго мышленія открывается новый строй жизни и новый порядокъ отношеній. Душа познаетъ возможность восходить къ „объективной жизни, не покидая, повидимому, своихъ предѣловъ, и во всякомъ случаѣ, не отдаваясь на волю все раздробляющаго и распыляющаго чувственнаго созерцанія. Въ предѣлахъ самой души обнаруживается новая, полная необычайной *содержательности и значительности* сфера, позволяющая душѣ скинуть путы личной ограниченности и дурной субъективности и отдать себя подлинной жизни объективнаго, предмета, смысла. Въ этой сферѣ душа наполняется ощу-

щеніемъ Іисуса, говорившаго: „азъ не могу о себѣ творити ничесоже“; она уже не она, хотя и убѣждается потомъ, что не погибла въ предметъ, но обогатилась имъ; „возненавидѣвъ“ себя, какъ таковую, въ самоотреченіи, она открываетъ себѣ возможность жить духомъ. Спекулятивная мысль даетъ душѣ *счастье самоотреченія*, сохраняя ей лучшее изъ того, отъ чего она отреклась и уводя ее черезъ сохраненное къ совершеннѣйшему.

Въ этомъ обнаруживается не только то жизненно-творческое значеніе гегеліанства, которое присуще всякому истинному и благородному философствованію, но и самый глубокой корень ученія Гегеля объ идеальности и реальности мысли. Конечно, опредѣленіе „мысли“, какъ „идеальнаго“ начала, звучитъ въ его устахъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ устахъ современнаго логическаго изслѣдователя, настаивающаго на чистой мыслимости „смысла“, на его совершенной (какъ эмпирической, такъ и метафизической) нереальности и на необходимости установить особую, „чисто логическую“ категорію „смыслового обстоянія“. Гегель начинаетъ и кончаетъ категорическимъ отрицаніемъ всего течения, приведшаго въ наши дни къ этимъ „мертвымъ“ и „разсудочнымъ“, съ его точки зрѣнія, различеніямъ. Терминами идеальности и реальности онъ пользуется приблизительно въ томъ значеніи, которое досталось ему по наслѣдству отъ родоначальниковъ новой философіи и лишь затѣмъ, въ предѣлахъ діалетики, т.-е. уже вполне эзотерически, онъ придаетъ термину „ideell“ специфическій смыслъ.

Спекулятивная мысль „идеальна“ въ *самомъ общемъ* значеніи постольку, поскольку она принадлежитъ къ *душевному*, внутреннему міру, поскольку элементомъ ея является не внѣшнее чувственно-эмпирическое бытіе, но среда душевно-сознательная. Съ этой точки зрѣнія, тяготящей къ примату „внутренняго вообще“ передъ „внѣшнимъ вообще“, — къ „идеальному“ относится все „субъективно-душевное“¹⁾, какъ

¹⁾ Срв. Log. I. 172. Enc. III. 149.

такое: и представлѣніе ¹⁾, и ощущеніе, и чувство, и память ²⁾, и мысль. И если „идеально“ все душевное, то „идеальнымъ“ окажется и формально-разсудочное мышленіе. Однако уже въ такомъ наивномъ пониманіи „идеальности“ кроется возможность признанія непосредственно-данной душевной среды за нѣчто первоначальное, преимущественное передъ внѣшними вещами, обладающее „большою“ и „лучшею“ реальностью по сразненію съ ними. „Идеальное“ (внутреннее) оказывается болѣе реальнымъ, чѣмъ „реальное“ (внѣшнее); философствующая мысль совершаетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ перестановокъ онтологическаго центра тяжести и терминъ „идеальный“ (*только въ душу* наличный и потому „не существующій во внѣшней дѣйствительности“), произносившійся наивными реалистами съ отгѣнкомъ порицанія, падаетъ обратно на ихъ голову въ видѣ осужденія. Возникаетъ двѣ „идеальности“ и двѣ „реальности“. Міръ внутренній, „идеальный“—реаленъ; міръ внѣшній, „реальный“—идеаленъ. Это означаетъ, что внѣшнія вещи, принимаемыя наивными реалистами за *подлинную* реальность—лишены ея; онѣ суть только „субъективныя явленія“; онѣ „только идеальны“. Тогда какъ внутреннія, непосредственно-данныя состоянія души, не „только идеальны“, но *несомнѣнно* реальны. Еще задолго до Канта, въ философіи англійскаго эмпиризма, началось это постепенное заподозрѣваніе подлинной реальности „внѣшнихъ“ вещей и обнаружилось стремленіе сосредоточиться и укрѣпиться въ непосредственныхъ данныхъ внутренняго опыта. Въ этомъ общемъ тяготѣніи новой философіи—дерзновенная интуиція Декарта, признающая *тождество* (отнюдь не силлогистическое выведеніе) бытія и мышленія ³⁾, исповѣданіе исключительной реальности духовнаго начала со стороны Бёркли, героиче-

¹⁾ Ср. W. Beh. 405. Enc. III. 149.

²⁾ Ср. Log. I 172. Enc. III. 149.

³⁾ Ср. объ этомъ у Гегеля Enc. I 132. 133, гдѣ приведены и ссылки на разъясненія самого Декарта; эти ссылки Гегель заимствовалъ изъ диссертации Гото.

скій спиритуализмъ монадологіи Лейбница, Коперниканское дѣяніе Канта и метафизическій субъективизмъ Фихте Старшаго образуютъ послѣдовательно тѣ этапы, которые ведутъ черезъ всю новую философію къ Гегелю. Мысль приучалась искать подлинную, безусловную реальность именно въ томъ, что испытывается, какъ внутреннее. *Идеальное есть средоточіе абсолютной реальности.* Однако параллельно этому, подъ вліяніемъ ученій англійскаго скептицизма, воспринятымъ еще Лейбницемъ и затѣмъ позднѣе Кантомъ, въ предѣлахъ самой души, этой обширной сферы „идеальнаго вообще“ появляется и постепенно вырастаетъ провинція чувственно-скомпрометтированныхъ душевныхъ состояній. Въ поискахъ за абсолютной реальностью, проникнутая увѣренностью въ ея душевно-духовной природѣ, философія постепенно отдаетъ периферію души, отрекаясь отъ нея, какъ отъ чувственно-конечной, смутной, пассивно-воспринятой и т. д., и сосредоточиваетъ свое вниманіе на отысканіи „чистыхъ“ и „свободныхъ“ элементовъ духа. Кантъ останавливается на чистомъ созерцаніи, чистомъ мышленіи, категоріяхъ; Фихте перваго періода—на досознательномъ самополаганіи, абсолютныхъ *актахъ* Субъекта. Гегеля не удовлетворяетъ ни то, ни другое. Вмѣстѣ съ Кантомъ онъ вѣритъ въ силу мысли и въ то же время не раздѣляетъ опасливаго отношенія Фихте къ обусловливающему значенію рефлексіи. Поэтому онъ видитъ искомую сферу абсолютной реальности—въ мышленіи; именно *мысль* есть то средоточіе *идеальности*, которое гарантируетъ абсолютную достовѣрность и подлинность, абсолютную *реальность*. Въ то же время вмѣстѣ съ Фихте онъ признаетъ это *идеальное* начало творчески самополагающимся, интеллектуально-интуитивнымъ, и не раздѣляетъ осторожнаго ученія Канта о дискурсивномъ и *только* дискурсивномъ разсудкѣ, свойственномъ чловѣку. Поэтому у Гегеля *мысль*, эта первенствующая *идеальная* или духовная основа есть интеллектуально-интуитивное, само себя творящее, метафизически реальное начало. На-

конецъ, въ противовѣсъ и Канту, и Фихте — это первоначало есть уже не субъективно-человѣческое, а субъективно-объективное, Божественное.

Итакъ, если понимать „идеальность“ — какъ „внутренность“ въ противоположность „внѣшности“; какъ „душевность-духовность“ въ противовѣсъ „матеріальности-природности“; наконецъ, какъ „чистую мыслимость“ въ отличіе отъ „чувственной воспринятости“ — то спекулятивная мысль *идеальна*. Но если понимать „идеальность“, какъ „нереальность“, какъ формально-субъективную „критическую“ (въ смыслѣ Канта), разсудочную мыслимость, какъ релятивистическую ограниченность эмпирическаго или формальнаго мышленія¹⁾ — то спекулятивная мысль не „идеальна“, но „идеально-реальна“. Понятно, что признаніе мысли за реальность обычно облегчалось въ исторіи философіи сляніемъ мышленія со смысломъ, какъ это было и у Гегеля. Онъ самъ неоднократно указывалъ на то, что абстрактное-формальное, разсудочное понятіе — оторвано отъ реальности, противостоитъ ей и потому приковано къ ней, какъ загнипнотизированное, не сливаясь съ ней и пребывая въ своей отвлеченной пустотѣ. Поэтому *реальна не разсудочная идеальность, но спекулятивная*. Въ результатъ положеніе дѣлъ было таково: чувственная реальность не идеальна, т.-е. не причастна мысли, а потому она и не реальна высшей спекулятивной реальностью; разсудочная идеальность не реальна, т.-е. не причастна бытію, а потому она и не идеальна высшей спекулятивной идеальностью. Иными словами: конкретное-эмпирическое, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, — реально дурной реальностью и совсѣмъ не идеально въ спекулятивномъ отношеніи; абстрактное-формальное идеально дурной идеальностью и совсѣмъ не реально ни въ какомъ отношеніи. Необходимо третье, новое,

1) Ср. всѣ полемическія и осуждающія замѣчанія Гегеля противъ того что „bloss ideell“, „formelle Idealität“ и т. д.; напр. Diff. 212. 213. 230. 237. 254. 254. 254. 255. 267. Glaub. 14. 135—136, W. Beh. 328. 336. 345. 368. 408. 416. Enc. II. 222 и др.

спекулятивное: *идеальное*, въ смыслѣ „субъективности“ и мыслимости, и потому—„всеобщее“ и „абстрактное“; и въ то же время *реальное* въ смыслѣ объективности и созерцаемости, и потому—„единичное“ и „конкретное“. Спекулятивная мысль сохраняетъ все то, что приковываетъ эмпириковъ къ чувственному міру, а формальныхъ мыслителей—къ міру абстракціи. Но сохраняетъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ состояніи взаимной слиянности и взаимной исправленности. *Реальность*—объективна и созерцаема; но уже не чувственна, не временна; причастна мысли, *сама есть мысль*. *Идеальность*—субъективна (душевно-духовна) и несетъ въ себѣ дары мышленія: *сверхчувственность, опредѣлимость, всеобщность и устойчивость*; но она уже не оторвана, не безсодержательна, не мертва, не ирреальна; она *сама есть бытіе*. Съ обычной точки зрѣнія дѣло обстоитъ такъ, что Гегель выдаетъ *логически-предметное мышленіе*—за *метафизическую реальность*; съ точки зрѣнія спекулятивной философіи дѣло должно быть сформулировано такъ, что Гегелю открылась *сущность абсолютной реальности*, какъ находящая себѣ адекватный элементъ въ *логически-предметномъ* (самоабвенно-смысловомъ) мышленіи.

Для вѣрнаго пониманія тезиса о „реальности мысли“ необходимо, слѣдовательно, имѣть въ виду, *какая „реальность“ и какая „мысль“* въ немъ отождествляются. Эта мысль—отнюдь не абстрактная-разсудочная мысль, но спекулятивное сращеніе мышленія и смысла: само себя сознающее понятіе. Эта реальность—отнюдь не эмпирическая-временная реальность, но сверхвременная, метафизическая, абсолютная. Въ чемъ же, однако, ея сущность?

Когда Гегель говоритъ о „бытіи“ или о „реальности“, то онъ разумѣетъ обыкновенно безъ дальнѣйшихъ оговорокъ и поясненій *метафизическое бытіе* или *абсолютную реальность*. Естественно, что люди другой эпохи и другого познавательнаго склада трудно привыкають къ такому онтологическому максимализму, и это обстоятельство не замедлило обнаружиться съ необычайной быстротой въ критическихъ

выпадахъ первыхъ противниковъ гегеліанства. А между тѣмъ философія Гегеля возникла въ атмосферѣ, не считавшейся, или почти не считавшейся, съ инымъ, относительнымъ, эмпирическимъ видомъ реальности. Гегель самъ проникнуть глубокой увѣренностью, что философствовать стоитъ лишь о томъ, что *абсолютно есть* или во всякомъ случаѣ *причастно* абсолютной реальности. Акциденція, совершенно оторванная отъ *субстанции*, не можетъ быть предметомъ научнаго знанія. Бытіе есть существенное, *субстанціальное бытіе* въ полномъ значеніи этого слова. Нѣчто, лишенное *субстанціальною* бытія, лишено бытія вообще; оно просто и совсѣмъ не реально,—недоразумѣніе, фантомъ, иллюзія. Это значеніе абсолютности, субстанціальности настолько сращено у Гегеля съ идеей реальности, что подразумевается имъ повсюду, какъ нѣчто само собой понятное. Если не имѣть въ виду этого сращенія, то многое въ его ученіи окажется совершенно непонятнымъ. Причастность субстанціальному бытію есть необходимый минимумъ, внѣ котораго философіи не о чемъ говорить и не чѣмъ интересоваться.

Самая категоричность и послѣдовательность такой постановки вопроса могла бы указать тотъ путь, который ведетъ къ философскимъ предшественникамъ и духовнымъ учителямъ Гегеля. Еще *Аристотель* указывалъ на то, что проблема бытія есть проблема субстанціальности ¹⁾ и что сущность субстанции лежитъ въ ея своеобразной центростремительной самостоятельности ²⁾. Это представленіе о субстанции, какъ о чемъ-то, что есть „*per se*“ и „*in se*“, неоднократно развивалось схоластиками и было воспринято затѣмъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вдохновителей Гегеля — Спинозой. „Подъ субстанціей, — пишетъ онъ, — я разумѣю то, что есть въ себѣ и понимается черезъ себя“ ³⁾.

1) Ср. *Metaphysica* VII. I. 1028b.

2) Ср. напр. *Met.* V. 8. 1017b; VII. I. 1028a; VII. 3. 1029a и др.

3) *Spinoza. Opera. Ed. Paulus. 1802. Vol I. Ethica. pag. 35.*

Субстанція самодовлѣюща и едина ¹⁾; она опредѣляется только сама черезъ себя ²⁾, не терпитъ воздѣйствій извнѣ, и, въ своей единственности и самостоятельности, обращена всецѣло на себя. Эта метафизическая „самостоятельность въ одиночествѣ“ и предносится Гегелю, когда онъ говоритъ о субстанціальной реальности. Не касаясь еще полнаго и развернутаго пониманія субстанціи, можно сказать, что по ученію Гегеля минимальный и самый бѣдный опредѣленіями фрагментъ „бытія“ уже причастенъ во внутренней природѣ своей основнымъ свойствамъ субстанціальности. Быть—значитъ быть центростремительно; значитъ быть обращеннымъ на „себя“, стоять въ простомъ ³⁾, непосредственномъ ⁴⁾, абстрактномъ ⁵⁾ отношеніи къ самому себѣ. Эта своеобразная „эгоцентрическая“ концепція бытія, конечно, отнюдь не должна пониматься или толковаться этически; точно также не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такъ, что реальный міръ состоитъ по Гегелю изъ замкнуто-самодѣятельныхъ, единичныхъ, хотя и сочетающихся въ различныя цѣлыя, но по существу одинокихъ, монадъ, какъ это было у Лейбница. Нѣтъ; какъ выяснится далѣе, „бытіе“ есть единая, „всеобщая“ стихія, неустанно плещущая въ себѣ въ обращенности на себя. Стихія эта всюду одна и та же, — она субстанціальна, т.-е. самостоятельна, самодовлѣюща, не имѣетъ противостоящаго ей метафизическаго инобытія и посему обращена исключительно на себя самоё. Поэтому все то, что причастно ей, что причастно бытію—оказывается постольку имѣющимъ въ себѣ субстанціальное начало, слѣдовательно *устойчивымъ* и притомъ именно въ результатѣ „простаго и непосредственнаго отношенія къ себѣ“. Это „отношеніе къ себѣ“ ⁶⁾, при устойчивости, естественно

1) Ibid. Prop. V. pag. 37; prop. VIII. Schol. II. pag. 40 etc.

2) Ibid. Prop. VI. Corollar. pag. 38; ср. Prop. XVII, pag. 51 etc.

3) Log. III. 352. Enc. I. 362. Beweise. 314.

4) Log. I. 150. Enc. I. 113.

5) Log. III. 332. 333.

6) Ср. напр. Log. II. 185.

получаетъ характеръ „равенства себѣ“: сущность *устойчивости* состоитъ именно въ томъ, что ничто при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ остается тѣмъ же самымъ, „устойчиваетъ“, сохраняется, остается само себѣ равнымъ: „ибо неравенство его съ собою было бы его разложениемъ“¹⁾. Вотъ почему сущность бытія можетъ быть выражена въ одномъ словѣ: „Sichselbstgleichheit“, равенство самому себѣ²⁾.

Съ этой точки зрѣнія не трудно понять, какъ происходитъ сближеніе и отождествленіе между мыслью и реальностью. Вѣдь „устойчивость“ и „равенство самому себѣ“ (собств. *тождественность*) представляютъ именно тѣ черты смысла, которыя извѣстны и формально-логическому мыслителю. Именно эти черты искони заставляли философовъ и ученыхъ сосредоточиваться на „понятіи“, какъ на чемъ-то, сулящемъ строгое внутреннее постоянство и непоколебимый внѣшній строй. Но въ такомъ случаѣ сущность субстанціального бытія состоитъ въ томъ же, въ чемъ и сущность понятія вообще.

Однако для Гегеля это существенное совпаденіе идетъ гораздо дальше и глубже. Дѣло въ томъ, что въ его пониманіи „мышленіе“ есть сущность не статическаго, но динамическаго характера и притомъ не внѣшней механической динамики, но внутренней, самочинной. Принимая открыто и съ высокою хвалой основныя опредѣленія субстанціи, установленныя Спинозой³⁾, Гегель не устаетъ въ то же время указывать на неудовлетворяющую его абстрактность, неподвижность и статическую мертвенность его концепцій⁴⁾. Германскій духъ въ лицѣ Лейбница и Фихте Старшаго внесъ уже въ идею субстанціи признакъ абсолютнаго и неизсякаемаго творчества, берущаго источникъ исключительно въ нѣдрахъ самой субстанціи, и Гегель усматриваетъ въ этомъ глубо-

1) Ср. Phän. 43.

2) Ср. особенно основополагающія формулы Phän. 42. 43.

3) Ср. Log. II, 194, 195, 229, 230, и др.

4) Ср. напр. Log. I, 178, 396, 406. Log. II, 194—197. Log. III. 47. Enc. I, 109.

кій и неоцѣнимый прогрессъ. Поэтому онъ видитъ въ „самостоятельности“ бытія не только элементъ тождественности и самоудовлетворенности, но и моментъ активнаго творчества, изъ себя начинающагося, въ себѣ происходящаго и къ себѣ возвращающагося. Субстанціальное бытіе есть, по Гегелю, какъ бы нѣкое творческое кипѣніе въ себѣ, отнюдь не безцѣльное, но закономѣрно и ритмически прогрессирующее къ опредѣленной цѣли и къ предначертанному свершенію. „Быть“—*значитъ нести въ себѣ начало самодѣятельнаго творчества, обращеннаго на самого себя, значить творить себя изъ себя.* Въ творествѣ „бытіе“ *самостоятельно*, ибо ничѣмъ другимъ, кромѣ себя и своихъ внутреннихъ свойствъ, побужденій и законовъ, не опредѣляется. Оно едино, единственно въ своемъ родѣ и, все объемля, одиноко. Во всѣхъ этихъ основныхъ свойствахъ оно *устойчиво* и неизмѣнно,—*равно самому себѣ.*

Здѣсь впервые открывается существенное совпаденіе мысли и реальности во всемъ его значеніи. Тѣ самыя кардинальныя свойства бытія, изъ которыхъ слагается его подлиннѣйшая сущность, составляють *essentialia* спекулятивной мысли. *Творческая обращенность на себя* есть настолько же сущность мысли, насколько и сущность субстанціи, т. е. абсолютной реальности, метафизическаго бытія. *Самодѣятельность въ самотворествѣ*—вотъ то третье, которое устанавливаетъ реальность мысли и „логическую“ природу реального. Подобно тому, какъ „мысль“ или „понятіе“ есть начало, творящее себя въ себѣ и изъ себя, подобно этому „субстанціальная сущность“—въ активномъ самосозиданіи своемъ не имѣетъ никакого противостоящаго ей инобытія. Эта существенная одинаковость не есть однако лишь сходство, или подобіе, или простое совпаденіе свойствъ; но *совпаденіе самихъ сторонъ*, полное взаимопокрывающее единство, *тождественность*. Спекулятивная мысль *есть* не что иное какъ абсолютная реальность; субстанціальное бытіе *есть* не что иное, какъ спекулятивная мысль. То, что причастно спекулятивной мысли, то ео-

ipso причастно и абсолютной реальности: и наоборот то, что „истинно есть“, что *подлинно реально—то есть* спекулятивная мысль. „То, что помыслено, то *есть*: и то, что *есть*, есть постольку, поскольку оно есть *мысль*“¹⁾. „Мышление соединяетъ съ собою бытіе субстанціи“²⁾: „разумъ имѣетъ въ то же время абсолютную реальность“³⁾: „мышление есть бытіе“⁴⁾: „помысленное, потому что оно есть помысленное, включаетъ... въ себя бытіе“⁵⁾: въ сферѣ разума „мышление и бытіе суть едино“⁶⁾: „понятіе есть въ то же время нѣчто сущее“⁷⁾. „Логическое“ совпадаетъ съ „метафизическимъ“⁸⁾ и ученіе о мысли съ ученіемъ о реальности: *логика есть тѣмъ самымъ онтологія*.

Устанавливая это ученіе объ абсолютномъ⁹⁾, непосредственномъ¹⁰⁾ „тождествѣ бытія и мышленія“, Гегель продумываетъ его послѣдовательно до конца, пріемля выводы и не отступая передъ видимыми парадоксальностями. Эти парадоксы перестаютъ, впрочемъ, изумлять своей кажущейся напряженной противорѣчивостью, какъ только термины ихъ заполняются живымъ и осмысливающимъ созерцаніемъ предмета. Такъ, напр., когда Гегель говоритъ, что все реально „лишь постольку, поскольку оно есть мысль“; и что то, что неразумно, то не имѣетъ истины, или иначе: „то, что не понято, то не имѣетъ бытія“¹¹⁾,—то достаточно только попытаться освободить себя отъ созерцающаго подхода къ этимъ тезисамъ для того, чтобы увидѣть передъ собою странную и претенціозную игру словъ, не поддающуюся никакому ~~пониманию~~: ибо міръ ~~наполненъ~~ непонятыми и

1) Enc. III, 353.

2) Phän. 15.

3) Glaub. 48.

4) Enc. III, 354 (✓).

5) Skept. 108—109.

6) Skept. 109.

7) Phän. 151.

8) Ср. Enc. I, 45.

9) Ср. напр. Skept. 113 Glaub. 48.

10) Ср. напр. Phän. 606.

11) Ср. Phän. 412, а также Enc. III, 353.

непостигнутыми „реальностями“, о чемъ свидѣтельствуется живой и непрекращающійся прогрессъ эмпирическаго знанія.

„Понятіемъ“ слѣдуетъ называть то, что проникнуто „понятіемъ“, что „по-ято“ (be-griffen, отсюда Be-griff) разумомъ; иными словами,—то, что въ *всѣхъ сущности своей* причастно спекулятивному мышленію, или вѣрнѣе: то, сущность чего есть спекулятивная мысль. А такъ какъ спекулятивная мысль есть абсолютная и единственная реальность, и слѣдовательно все, чуждое ей, лишено реальности *вообще*, то „непонятое“ есть поистинѣ иллюзія, основанная на недоразумѣніи. Гегель выражаетъ эту мысль еще такъ: „природа“ того, что *есть*, состоитъ въ томъ, чтобы „быть въ своемъ бытіи своимъ понятіемъ“ („in seinem Sein—sein Begriff zu sein“) ¹⁾. Или еще иначе: „все дѣйствительное, поскольку оно есть истинное, есть идея, и имѣетъ свою истинность исключительно черезъ идею и силу идеи“ ²⁾. Всѣ эти опредѣленія выражаютъ въ разныхъ словахъ одну и ту же, основную для всего ученія, интуитивно открывшуюся Гегелю, „истину“ о тождествѣ спекулятивной мысли и абсолютной реальности. Оторванность отъ первой есть оторванность отъ послѣдней; наличность первой есть наличность послѣдней. Если спекулятивную мысль назвать *понятіемъ* (памятуя о его спекулятивной природѣ), то понятіе окажется не только *само* реальнымъ, но общимъ и единымъ началомъ реальности во всякомъ бытіи и становленіи. Невозможно *быть*, не будучи понятіемъ. Понятіе есть сама сущность ³⁾, самъ предметъ („die Sache selbst“) ⁴⁾; понятіе есть сама „истинная вещь въ себѣ“ ⁵⁾, сама абсолютная реальность.

Такова своеобразная судьба идеи „вещи въ себѣ“, поставленной Кантомъ въ центръ философскаго вниманія. Основная концепція ея обновляется: Фихте и вслѣдъ за

¹⁾ Phän. 45.

²⁾ Enc. I. 385.

³⁾ Phän, 34; Log. III, 20, 75, 115.

⁴⁾ Phän. 34, 247; Log. I, 16, 20, 21; Log. II, 103; Log. III, 33.

⁵⁾ Log. III, 86 и др.

нимъ Шеллингъ и Гегель радикально порываютъ съ „вещественнымъ“ пониманіемъ „вещи въ себѣ“ и обращаются всецѣло къ ея „нуменально-духовному“ пониманію. При этомъ Фихте имѣетъ въ виду „нумень *человѣческой души*“¹⁾, а Шеллингъ понимаетъ абсолютное бытіе, какъ первоначало, поднятое надъ сферами „природнаго“ и „человѣческаго“, и осуществляющее себя въ нихъ. Оба они перелагаютъ „процессъ“ въ предѣлы абсолютной реальности и пытаются понять этотъ процессъ, какъ „діалектическій“ по формѣ и прогрессивный по направленію и результатамъ. Однако у обоихъ субстанція, именуемая „духомъ“, сохраняетъ характеръ „живой души“; у Фихте это есть своеобразно понятая „человѣческая душа“, съ ея основными творческими функціями: воли, мышленія, воображенія, памяти, созерцанія и т. д.; у Шеллинга это есть своего рода „мировая душа“, восходящая отъ безсознательной жизни въ природѣ къ человѣческому сознанію. Гегель первый положилъ сущность реальности не въ дѣятельности живой души (не въ объективной функціи субъекта), но въ самомъ *мыслимомъ содержаніи* (въ субъективности объекта), въ сверхчувственномъ, разумно-опредѣлимомъ и устойчивомъ (несмотря на свой процессуальный характеръ) понятіи,—въ *смыслѣ*, возрождая этимъ традицію Платона и Аристотеля. Основной тезисъ его о „реальности мысли“ имѣетъ именно это значеніе: спекулятивная мысль есть сущность всякаго бытія, какъ такового. Или иначе: вещь въ себѣ, абсолютная субстанція есть самъ живой смыслъ. Возникаетъ новое ученіе объ объективности: но это уже не „объектъ-вещь“, а „объективный смыслъ“: не объектъ, скрытый во мракѣ ирраціональности, но „объективный разумъ“. Абсолютное бытіе по замыслу Гегеля имѣетъ не структуру „души“ во

¹⁾ Это относится во всякомъ случаѣ къ Наукоученію 1794 года. Ср. напр.: „Eines Jeden Ich selbst die einzige höchste Substanz ist“. Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre. Tübingen. 1802, Ss. 44, 45. Я пытался развить это въ статьѣ „Кризисъ идеи субъекта въ Наукоученіи Фихте Старшаго“ „Вопр. Фил. и Псих.“, книга 111 и 112.

всей ея иррациональной сложности ¹⁾, но структуру „мышления“; и притомъ не мышления, какъ „субъективно-человѣческаго“ процесса, но мышления, какъ *сверхчеловѣческаго процесса въ объективномъ понятіи*. Гегель принципиально не можетъ признать иного бытія, кромѣ этого. Все сущее реально потому, что сущность его есть живой творящій себя смыслъ.

Ясно, что однимъ изъ наиболѣе сложныхъ и чреватыхъ затрудненіями выводовъ на этомъ пути является необходимость придать тождеству спекулятивнаго мышления и субстанціальнаго бытія — *строю универсальное значеніе*. Въ самомъ дѣлѣ, если открывшееся обстояніе есть дѣйствительно *абсолютное* тождество мысли и реальности, то говорить о какой-либо *иной* реальности становится невозможнымъ. Все, что притязаетъ на бытіе или существованіе, должно или обнаружить въ себѣ наличность спекулятивной мысли, или отказаться отъ своего притязанія; *tertium non datur*. Однако начало спекулятивной мысли дается первоначально лишь внутренно, только въ личномъ мыслительномъ внутреннемъ опытѣ; именно тамъ открывается выходъ къ абсолютному бытію черезъ *мышленіе*: извѣстный видъ внутренней мыслительной дѣятельности есть уже *сверхличное состояніе смысла, владѣющая тканью сознанія и изживающая въ немъ непосредственно и адекватно ритмъ своей жизни*. Мышленіе, поглотивъ *созерцательную* способность души, уводитъ душу въ сферу Духа. Но если, какъ теперь оказывается, спекулятивная мысль должна быть обнаружена *во всемъ*, что правомѣрно посягаетъ на бытіе, то это обнаруженіе можетъ представить особыя трудности по отношенію къ тѣмъ областямъ, которыя *не даны* во внутреннемъ опытѣ. Весь *внѣшній* міръ, міръ пространственной объективности, распавшійся въ своемъ чувственномъ видѣ и расплывшійся безъ остатка на глазахъ у спекулятивнаго мыслителя, повидимому, не можетъ быть данъ во внутреннемъ опы-

¹⁾ Здѣсь уместно вспомнить, что Шеллингъ, напр., въ своихъ зрѣлыхъ мистическихъ трактатахъ начала 19 вѣка говорилъ о неразумной „природѣ“ или „основѣ“ въ Богѣ.

тѣ такъ, какъ даетъ себя и раскрываетъ себя жизнь смысла. А между тѣмъ вычеркнуть, какъ лишенное реальности, все то, что „притекаетъ“ извнѣ, въ видѣ множества „самостоятельныхъ“ вещей, значило бы чрезвычайно обѣднить богатство предмета, и ликвидировать всѣ науки, посвященные такъ или иначе „внѣшнему“. Для Гегеля это означало бы ограничить все свое ученіе Логикой и нѣкоторыми отдѣлами Философіи Духа.

Гегель можетъ быть и былъ бы приведенъ къ этому, если бы онъ не вѣрилъ въ возможность *мыслить внѣшнее*. Эмпирическое естествознаніе, несмотря на всю свою не-философичность, обнаружило эту возможность; ибо хотя оно изучаетъ единичныя и конечныя чувственныя явленія и вещи, однако задача его состоитъ не въ томъ, чтобы ограничиваться ихъ описаніемъ, дескрипціей матеріала, но въ томъ, чтобы поднять единичное ко всеобщему, чувственное—къ абстрактному, явленіе—къ понятію; однимъ словомъ, въ томъ, чтобы *мыслить внѣшнее*. Правда, это мышленіе не идетъ и не ведетъ дальше системы разсудочныхъ понятій; но возможность спекулятивнаго претворенія и оживленія этихъ абстрактныхъ всеобщностей была уже осуществлена въ предѣлахъ логики. Такимъ образомъ, если абстрактное формальное есть „истина“ конкретнаго эмпирическаго, то абстрактное спекулятивное есть „истина“ абстрактнаго формальнаго, и бездна между „внѣшнимъ“ и „внутреннимъ“, повидимому, снимается. Это отношеніе, въ силу котораго одна сторона есть „истина“ другой стороны, слѣдуетъ представлять себѣ такъ, что первая есть истинная и подлинная сущность второй, скрытая однако въ ней и не сразу доступная усмотрѣнію и постиженію. Надо, чтобы сознаніе поднялось на высоту первой для того, чтобы оно могло познать это отношеніе „истины“ или существенности. До тѣхъ же поръ, пока оно пребываетъ на низшей ступени, оно не только не знаетъ объ этомъ отношеніи, но можетъ быть совсѣмъ не подозреваетъ о наличности и даже возможности высшей ступени. Такъ, со-

знание, прикованное къ конкретному эмпирическому не подозрѣваетъ о „дѣйствующихъ“ въ его средѣ законахъ природы; и только поднявшись до ступени эмпирическаго *знанія*, оно убѣждается, что опытная наука, изучая абстрактныя всеобщности въ единичныхъ явленіяхъ чувственнаго міра, познаетъ въ нихъ *существенное*. Точно также эмпирикъ и формальный логикъ могутъ не подозрѣвать о высшемъ спекулятивномъ строѣ, лежащемъ въ основаніи ихъ категорій; а между тѣмъ „спекулятивное“ есть сущность „формального“. И только поднявшись до уровня умозрительной философіи, сознание можетъ убѣдиться въ томъ, что *спекулятивная мысль* есть подлинная реальность, представляющая сущность и внѣшняго міра, и внутренняго міра; и притомъ какъ изученнаго человѣческимъ сознаниемъ, такъ и неизученнаго имъ. Отсюда слѣдуетъ, что по отношенію къ внѣшнему, пространственному міру спекулятивная мысль можетъ разсматриваться какъ сущность его сущности, или „истина“ его „истины“ ¹⁾.

Согласно этому ученію Гегеля о небытіи конкретной-эмпирической вещи получаетъ нѣкоторое положительное истолкованіе. Конкретное эмпирическое со всѣми его свойствами и специфическими чертами есть иллюзорная оболочка, скрывающая за собою бытіе и жизнь спекулятивной мысли. Эту оболочку Гегель никогда не могъ окончательно узаконить, признать ее за правомѣрный и необходимый, хотя бы и чувственно-обусловленный ингредиентъ истиннаго знанія и абсолютнаго бытія. Соотношеніе между чувственно-эмпирическимъ элементомъ и спекулятивно-метафизическимъ элементомъ слѣдуетъ представлять себѣ поэтому не какъ взаимно-ограниченіе и сосуществованіе, но какъ взаимное вытѣсненіе и замѣну. До тѣхъ поръ, пока человѣческое сознание живетъ, погруженное въ чувственныя иллюзіи, оно пребываетъ въ сферѣ мнимаго: оно питаетъ мнѣнія о томъ, что на самомъ дѣлѣ лишено реальности,

1) Ср. напр. Diss. 21. Glaub. 152—153. Log. III. 50. 270.

Вопросы философіи, кн. 123.

и живетъ жизнью чувственной растерянности. Когда же сознание достигаетъ спекулятивной высоты, оно уже не имѣетъ передъ собою конкретнаго-эмпирическаго и живетъ, проникнутое спекулятивной мыслью. Однако истинное положеніе дѣлъ раскрывается именно на этой послѣдней ступени; сущность его въ томъ, что иллюзорная оболочка конкретной эмпирии является *окончательно* отгорѣвшей: то, что до тѣхъ поръ принималось сознаниемъ за чувственно-данную, единичную и конечную вещь, оказывается на самомъ дѣлѣ спекулятивнымъ *эпизодомъ, состояніемъ, фрагментомъ или модусомъ абсолютной реальности*. Но такъ какъ спекулятивная реальность есть не что иное, какъ сама спекулятивная мысль, то вещи чувственнаго міра, растаявши въ своемъ эмпирическомъ составѣ, открываютъ за собою живой и реальный строй спекулятивной мысли. Отличіе этого спекулятивно-смыслового строя отъ эмпирическаго строя вещей оказывается чрезвычайно существеннымъ; настолько, что оба строя являются категоріально несоизмѣримыми. Міръ спекулятивной мысли имѣетъ свой, совершенно особый способъ быть, дѣйствовать и развиваться; осуществляя на этомъ пути свою силу и свою жизнь, онъ есть *истинная реальность и единственная реальность*. Именно поэтому не слѣдуетъ понимать дѣло такъ, что за каждою дискретною эмпирическою вещью скрывается столь же дискретное и единичное, но уже абстрактное понятіе, такъ что каждому эмпирическому свойству „соотвѣтствуетъ“ скрытый за нимъ и составляющій его сущность, одноименный съ нимъ логическій „признакъ“; то, что именуется вещью, было бы тогда въ дѣйствительности логическимъ единствомъ такихъ признаковъ. Такое пониманіе было бы невѣрнымъ въ виду того суроваго осужденія, которое Гегель произнесъ надо всей сферой формальной абстракціи. „Мысль“, скрытая за видимостью эмпирической вещи отъ чувственнаго созерцанія, и не скрытая этой видимостью отъ спекулятивнаго мышленія, есть не разсудочно-идеальная, но разумно-реальная мысль,—спекулятивный живой саморазвивающійся смыслъ.

Именно поэтому сознание человека, отучая себя от чувственно созерцательного подхода къ вещамъ и приучая себя къ спекулятивному созерцанію, должно быть готово къ тому, что всѣ самыя обычные и съ виду необходимыя опредѣленія и категоріи, въ которыхъ пребываетъ сфера эмпирической вещественности, — могутъ оказаться мнимыми и иллюзорными, продуктомъ чувственной непросвѣтленности духа, порожденіемъ предрасудковъ и умственной незрѣлости. Истинная реальность имѣетъ *свои* категоріи, т.-е. свои жизненные и творческіе пути; эти способы творческой жизни имманентно ей присущи, такъ что все истинно-сущее, какъ таковое, осуществляетъ ея ритмъ. Спекулятивный мыслитель дѣйствительно „видитъ“ все сущее, включая весь вещественный міръ и весь душевный міръ, какъ самоосуществленіе субстанціи, т.-е. абсолютно-реального живого смысла.

Критическій умъ, воспитавшій себя на идеяхъ Канта, будетъ, можетъ быть, склоненъ увидѣть въ этой концепціи больше смѣлой интуиціи или даже фантастической изобрѣтательности, чѣмъ логической ясности и научной убѣдительности. Однако ученіе Гегеля о *логической сущности всего реальною* стоитъ въ ближайшей связи духовнаго преемства именно съ Трансцендентальной Аналитикой Критики Чистаго Разума, во-первыхъ, и съ телеологической частью Критики Способности Сужденія, во-вторыхъ. Послѣдняя часть этого тезиса можетъ быть вскрыта только позднѣе; но первая должна быть уже понятна. Кантъ устанавливаетъ въ Аналитикѣ, что категоріи, чистыя понятія разсудка, составляютъ то апріорное условіе, безъ котораго невозможенъ въ опытѣ ни одинъ *предметъ* ¹⁾. Согласно этому, одна наличность предмета въ опытѣ свидѣтельствуетъ о его категоріальной оформленности. „Объектъ“ есть то, „въ понятіи чего *соединено* многообразное даннаго созерцанія“ ²⁾. Но эта соединенность есть необходимо результатъ или про-

1) Kant. Krit. der. rein. Vernunft. Ausg. B. Erdmann. 1900. S. 118.

2) Kant. Ibidem. S. 130. 131. 132.

дуктъ *разсудочно мышленія*, созданный самопочиннымъ, само-дѣятельнымъ актомъ субъекта ¹⁾. Всякій предметъ въ опытѣ—какъ таковой, есть *уже* нѣчто помысленное, независимо отъ того, сознаемъ мы этотъ созидающій актъ мысленнаго синтеза или не сознаемъ ²⁾. Категоріальная оформленность ³⁾ есть условіе того, что нѣчто вообще обстоитъ для насъ въ качествѣ предмета или объекта. Это можетъ быть выражено такъ, что всякая вещь, какъ явленіе, представляетъ по ученію Критики Чистаго Разума мысленно-оформленный фрагментъ чувственно-созерцательнаго матеріала. Этотъ фрагментъ въ самыхъ существенныхъ основахъ своего бытія опредѣленъ мыслью, подведенъ подъ категоріи, проникнуть ихъ формою, претворенъ въ нихъ, выраженъ на ихъ языкѣ. „Вещь“—не „*есть*“, а стоитъ подъ категоріей бытія; она не „субстанція“ и не „причина“, не „едина“ и не „множественна“, но опредѣлена мыслью, какъ субстанція, какъ причина, какъ единство или множество. „Свойства“ ея суть ея помысленныя „ингеренціи“; реальная судьба ея есть ея категоріальная „возможность“ и „необходимость“. Мало того; въ качествѣ *предмета*,—именно постольку, поскольку она есть *реально наличный въ опытѣ объектъ*,—*вещь создана мыслью*, она есть созданіе, порожденіе, *продуктъ логической самодѣятельности субъекта*.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта „критическая“ концепція Канта въ существенномъ отличается отъ *метафизической* концепціи Гегеля. „Вещь“, логическую природу которой раскрываетъ и признаетъ Кантъ, есть явленіе, познаваемое въ опытѣ и существенно включающее въ себя, слѣдовательно, матеріалъ чувственныхъ созерцаній; напротивъ, если у Гегеля можно еще говорить о какой ни-

¹⁾ Ср. Ibidem. 105. 106. 121. 122.

²⁾ Ibidem. 121—122. 125.

³⁾ Здѣсь слѣдуетъ разумѣть, конечно, не *сознательное* подведеніе *анализированнаго* многообразія подъ категорію, осуществляемое *систематически* въ естествознаніи, но *бессознательный* синтезъ *частично данных* многообразія, совершающійся въ привычномъ и, такъ сказать „механически“ осуществляющемся актѣ „воспріятія“ чего-то, какъ предмета.

будь „вещи“, то это есть часть абсолютной реальности, живой фрагментъ спекулятивно-смысловой стихіи, свободной отъ чувственно-эмпирическаго характера. Кантъ устанавливаетъ мыслительный характеръ объекта, какъ итогъ познавательнаго процесса, въ которомъ логически оформляется чувственно-воспринятая данность; для Гегеля предметъ имѣеть „логическую“ природу самъ по себѣ, не въ порядкѣ познанія, но въ порядкѣ бытія, не въ смыслѣ только логической формы, но въ смыслѣ какъ содержательной, такъ и формальной, качественно-субстанціальной опредѣленности; то, что для Канта есть познавательный процессъ, то для Гегеля есть онтологическій *existenz-minimum*, изначально реальный. Наконецъ вся концепція Канта остается въ предѣлахъ человѣческой субъективности и ея разумныхъ актовъ, вносящихъ въ предметъ мыслительный синтезъ и потомъ восходящихъ къ синтетическимъ апріорнымъ сужденіямъ; концепція Гегеля свободна отъ такого принципиально удерживаемаго антропологизма; и элементъ „субъективности“, признаваемый ею въ предметѣ, имѣеть характеръ сверхъчеловѣческой, имманентной самому предмету, творческой жизненности. И все же, несмотря на эти и другія менѣе существенныя отличія, основная идея о *логической природѣ бытія*, имѣющая, какъ это уже видно, сложную исторію и въ до-кантовской философіи, была непосредственно подсказана Гегелю Критикой Чистаго Разума. Героическая попытка Канта вскрыть элементъ разумности въ самой сущности реального была настолько убѣдительна и въ то же время намѣчала настолько широкія и еще неоткрытыя перспективы, что философская мысль естественно направилась въ эту сторону. Вещь не являющаяся, была исключена Кантомъ изъ научнаго знанія; а вещь являющаяся, была превращена въ *помысленную данность*. *Логическое стало необходимою формою реального*. При этомъ Кантъ самъ мечталъ о чемъ-то большемъ. Въ *человѣческомъ* познаніи остается всегда ингредиентъ чувственно-пассивной данности, а также ингредиентъ созерцательной дѣятельности субъекта,

придающей матеріалу форму временности, а можетъ быть сверхъ того еще и форму пространственности. Достаточно признать эти два ингредиента несущественными или устраненными въ интеллектуально-интуитивномъ познаніи, и „вещь“ разрѣшится въ чистую мысль. Кантъ любовно культивировалъ идею объ этомъ разсудкѣ, *мыслью создающемъ самую данность*, „матерію“ познанія, и разрѣшающемъ все въ созданіе чистаго разума. Такой разсудокъ могъ бы осуществить безконечное заданіе науки: *исчерпывающее осмысленіе предмета*; однако онъ разъ навсегда недоступенъ человѣку, не присущъ ему и потому можетъ предноситься ему лишь въ видѣ „регулятивной“ идеи. И вотъ эта невозможность, эта неосуществимая идея была положена Гегелемъ въ основаніе всей его философской концепціи. Созерцающій разсудокъ, т.-е. творческая мысль, создающая активно и матерію, и форму всякаго предмета, всякой реальности, есть уже не регулятивная идея Канта и не „досознательно-созерцающее творчество абсолютнаго, но сокровеннаго средоточія въ человѣческомъ духѣ“, какъ это пытался понять Фихте въ своемъ первомъ Наукоученіи; это есть *самостоятельное сверхчеловѣческое начало, которое сознательно мыслить-созерцаетъ-творитъ себя,—само спекулятивное понятіе, живой смыслъ, какъ перво реальность*. Мысль уже не только „входитъ“ въ составъ „познаваемаго“ человѣкомъ бытія; но *есть сущность всякаго бытія, какъ такового*; ибо нѣтъ и не можетъ быть никакой реальности, недоступной познанію; всякое познаніе есть *самопознаніе*; но не самопознаніе „человѣка-субъекта“, а *самопознаніе „логическаго-объекта“*; въ логическомъ же объектѣ, именно въ виду его *смысловой природы*, не можетъ быть по существу недоступныхъ сферъ, не поддающихся раціонализациі „остатковъ“, запредѣльныхъ потусторонностей и т. д. *Самъ себя мыслящій смыслъ только и можетъ быть взявъ открытъ себѣ самому*; ибо онъ самъ есть объектъ, разумный по существу своему; и самъ есть субъектъ, разумный по характеру своей дѣятельности. Интеллектуальная интуиція есть разумъ, который самъ се-

бя творить и раскрываетъ, и въ этомъ значеніи онъ есть сама сущая первореальность.

Естественно, что пониманіе этой концепціи требуетъ полного отказа отъ разсудочной „точки зрѣнія“. До тѣхъ поръ, пока мы все еще только *соединяемъ* мышленіе со смысломъ и при словѣ „сознаніе“ представляемъ себѣ *субъективно-человѣчскія* мыслительныя переживанія, функціи или состоянія,—до тѣхъ поръ универсальный характеръ *мысли, какъ первореальности*, не можетъ быть ни понятъ, ни критически разсмотрѣнъ. Спекулятивно говоря, понятіе есть *сама себя мыслящая (eo ipso созерцающая) духовность*, и, тѣмъ самымъ, сама себя изнутри *творящая сила*. Дѣло не обстоитъ такъ, что „смысль“ ждетъ, чтобы человѣческое сознаніе его восприняло, а до тѣхъ поръ пребываетъ въ „небытіи“; понятіе *само* есть созерцаніе себя; оно совсѣмъ не потому и не постольку „мыслится“, поскольку человѣческое сознаніе соблаговолитъ воспринять его и дать ему „бытіе“. Напротивъ. Счастливы тотъ, кому довелось узрѣть черезъ свой внутренній міръ *объективную* жизнь понятія: ему выпало на долю „блаженное наслажденіе вѣчнымъ созерцаніемъ“¹⁾. Но было бы недопустимо и совершенно невѣрно разсматривать понятіе, какъ просящее подаянія у вратъ человѣческой души. Не слѣдуетъ думать, что „бытіе осуществляетъ въ себѣ понятіе“; или что „душа владѣетъ понятіемъ“. Наоборотъ: понятіе осуществляетъ въ себѣ всякое бытіе; *понятіе владѣетъ сущимъ*, ибо само есть сама первореальность; оно владѣетъ и душой, но не есть ея „продуктъ“, или „принадлежность“, или предметъ ея господства: *человѣческая душа сама есть тодіусъ понятія*²⁾.

Разъ что созерцаніе *воспринято въ понятіе*³⁾, понятіе, какъ само себя мыслящее, оказывается *eo ipso* само себя созерцающимъ; оно есть самъ интуитивный интеллектъ, у котораго „мышленіе себя“ равно „созерцанію себя“ и равно

1) Ср. Glaub. 9.

2) Ср. Enc. I. 391. Enc. III. 150.

3) Glaub. 15.

„творенію себя“. Вотъ почему Гегель говоритъ, что интеллектуальное созерцаніе равно „всему“¹⁾; что оно есть *все*, тотальность²⁾; что человѣческое сознаніе (Ich) есть „субъективное трансцендентальное созерцаніе“; а природа (Natur)—объективное трансцендентальное созерцаніе; то и другое, какъ явленія абсолютнаго самосозерцающагося разума³⁾. *Человѣческая душа не есть единственное лоно понятія. Оставаясь всюду и всегда живымъ творческимъ смысломъ, Понятіе, какъ таковое, не прикрѣплено къ формѣ человѣческаго сознанія, какъ къ своей единственной средѣ и необходимой сферѣ. Правда, въ этомъ элементѣ оно живетъ наиболѣе адекватнымъ и достойнымъ себя образомъ⁴⁾; однако не рабствуя эмпирической опредѣленности человѣческаго сознанія и его конечной ограниченности, но господствуя въ немъ, осуществляя себя черезъ включеніе въ свой составъ его духовно живыхъ и творческихъ силъ.*

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что передъ этой общей концепціей встанетъ цѣлый рядъ утонченныхъ метафизическихъ затрудненій, какъ только она попытается фиксировать свои идейныя очертанія и формулировать съ полной ясностью свои принципы и выводы. Однако прежде чѣмъ обратиться къ этимъ затрудненіямъ, необходимо усвоить до конца ту основную посылку самого ученія, согласно которой *спекулятивная мысль есть не только реальность, но абсолютная реальность, перво-реальность и все-реальность. И можетъ быть для этого усвоенія важнѣе всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, что вообще признавалось и признается въ философіи реально-сущимъ.*

Если условиться, что самое *признаніе* чего-нибудь „реальнымъ“ или „нереальнымъ“, имѣющимъ бытіе или неимѣющимъ бытія,—есть дѣло философской рефлексіи, провѣряющаго и исповѣдующаго мышленія,—то необходимо будетъ

1) Ср. Diff. 208.

2) Ibidem.

3) Diff. 272.

4) Ср. напр. Enc. II. 29.

допустить, что это признание совершается на основании нѣкоторыхъ *данныхъ* или *показаній*, поставляющихъ философскому мышленію содержательный матеріаль для признанія и отверженія. Всѣ эти показанія добываются неизбежно на пути *реальной переживанія*, которое, вслѣдствіе его направленности на нѣчто опредѣленное въ своемъ содержаніи, можно назвать *испытываніемъ*. Въ этомъ испытываніи, какъ таковомъ, всегда можно отличить самую *функцию* или *состояніе* испытыванія отъ испытываемаго *содержанія*. Это-то испытываемое содержаніе и есть то, что можетъ быть признано реальнымъ. Возможно, что гносеологъ, отыскивающей непосредственный подходъ къ знаемому, будетъ склоненъ признать „сущимъ“ *всякое* испытанное содержаніе; однако и для него встанетъ тогда проблема отличенія *подлинно-реального* отъ *неподлинно-реального*, хотя бы въ предѣлахъ того, что разъ уже признано „сущимъ“ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Нельзя не признать, что въ самой „идеѣ“ бытія—переживается ли она въ видѣ смутнаго, можетъ быть чисто мускульнаго ощущенія, или въ видѣ зрѣлой логической категоріи,—содержится элементъ „достоверности“, „подлинности“, или „несомнѣнности“: быть—значитъ быть *въ самомъ дѣлѣ*, быть „въ дѣйствительности“, быть „объективно“; быть—значитъ не только *казаться* сущимъ; быть „не навѣрное“—значитъ быть только въ возможности, значить—„можетъ быть и не быть“. Повседневный разсудокъ человѣка успокаивается въ испытаніи реальности—быстрѣе на *низшей* ступени осознанности, довольствуясь примитивнымъ, можетъ быть, чисто прагматическимъ „удостовереніемъ“; но и онъ успокаивается только тогда, когда чувствуетъ себя увѣреннымъ, что нѣчто *есть* „въ самомъ дѣлѣ“. Понятно, что *научное* познаніе,—будь то эмпирическое изслѣдованіе или философское построеніе,—принципально не можетъ остановиться на неподлинномъ бытіи; поэтому оно искони работало надъ установленіемъ того критерія или тѣхъ методологическихъ приемовъ, которые могли бы дать ему *обоснованную* гарантію въ подлинности

утверждаемаго бытія. И вотъ, въ чемъ бы ни состояли эти приемы и какъ бы ни опредѣлялся этотъ критерій, „бытіе“ или „реальность“ чего-нибудь признаются тогда, когда предметное обращеніе испытывающей среды (т.-е. души въ той или иной ея функціи, въ той или иной ея обращенности и степени сознательности) даетъ устойчивое показаніе о несомнѣнной наличности нѣкотораго самостоятельнаго, т.-е. не совпадающаго съ самой испытывающей средой и несводимаго къ ней, содержанія. Устойчивость такого показанія можетъ быть осуществлена въ видѣ прерывающихся множественныхъ повтореній, или въ видѣ единственнаго, непрерывно-длительнаго испытанія; во всякомъ случаѣ наличность даннаго содержанія должна быть испытана съ силою и недвусмысленностью, не оставляющей мѣста для сомнѣній. Но существеннѣе всего въ этомъ вопросѣ—*самостоятельность* испытываемаго содержанія, т.-е. его качественная, содержательная инакость, нерастворимость, несводимость къ качественному составу и способу бытія испытывающей среды. А такъ какъ испытывающей средой является всегда внутренняя непосредственная стихія души, то „реальное“ всегда *самобытно* по отношенію къ субъективному испытывающему душевному акту. Выражая это въ обычныхъ словахъ, можно сказать, что душа, признавая что-либо реальнымъ, испытываетъ какъ бы *нѣкій „упоръ“ со стороны чего-то, что не есть она сама*; это „упорствующее иное“, не поддающееся нивелирующему растворенію, обнаруживаетъ нѣкую самостоятельность въ своей судьбѣ и своеобразную самозаконность, которая въ дальнѣйшемъ можетъ получить характеръ категоріальной специфичности. Все это не означаетъ непременно, что между испытывающей душою въ цѣломъ и испытаннымъ ею самостоятельнымъ содержаніемъ должна быть налицо дѣйственная противоположность (хотя и это возможно), или невозможность творческаго симбіоза, или хотя бы рѣзкое качественное отличіе: вѣдь испытываемымъ предметомъ можетъ быть и жизнь самой испытывающей души, и природа всепроникающаго и все-

объемлющего Божества, и чужое душевное проявление. Самостоятельность реального должна быть испытана, как неразложимая содержательная инакость только по отношению къ испытывающему акту „душевной среды“.

Понятно, что въ это, самое общее и отвлеченное опредѣленіе „бытія“ войдутъ всѣ разновидности „реальных“ предметовъ, начиная отъ существованія пространственно-временной вещи, и кончая сверхчувственной реальностью духа и идеальнымъ „бытіемъ“ логически - обстоящаго понятія. Если назвать это родовое гнѣздо единымъ терминомъ, то придется говорить о „самостоятельномъ ино-содержаніи“ или объ „объективно-сущемъ“. И вотъ, то пониманіе реальности, которое было выдвинуто и развито Гегелемъ, оказывается одною изъ разновидностей, однимъ изъ видовыхъ понятій, принадлежащихъ къ объему этого единого рода; и вмѣстѣ съ нимъ къ объему того же самаго родового образованія принадлежитъ понятіе „бытія“, привычное для обыденнаго человѣческаго сознанія. Если повседневный разумъ чловѣка говоритъ о „бытіи“ тамъ, гдѣ душа его, прилѣпившаяся своимъ вниманіемъ и устремленіемъ къ „тѣлу“ и содержательно наполненная показаніями „внѣшнихъ чувствъ“, испытываетъ нѣкоторое „самостоятельное ино-содержаніе“ вещественнаго характера; то сознаніе философа, для котораго искони было характерно устремленіе отъ внѣшнихъ воспріятій къ нечувственному предмету, исповѣдуетъ „реальность“ тамъ, гдѣ душа испытываетъ несомнѣнную наличность самобытнаго и самозаконнаго содержанія. Ориентируясь среди пространственныхъ вещей, обычное сознаніе признаетъ „бытіе“ тамъ, гдѣ его чувственная обращенность встрѣчаетъ нѣкое „упорствующее иное“ и тогда, когда оно видитъ себя „удостоверившимся“ въ наличности этого „упорствующаго иного“, этого, такъ сказать, тѣлеснаго сверхсубъективнаго пришлеца. Сознаніе философа также имѣетъ дѣло со „сверхсубъективными пришлецами“; однако ислѣдуемая имъ „ино-содержанія“ не имѣютъ въ своей упорствующей самобытности харак-

тера вещественной или чувственной самостоятельности. Сознание философа, въ его нечувственной обращенности, ищетъ, находить и испытываетъ такія содержанія, которыя своей качественной несводимостью и нерастворимостью, своими особыми способами обстоять и дифференцироваться искореняютъ въ душѣ всякое сомнѣніе въ подлинной наличности нѣкотораго особаго предмета, нѣкой „реальности“. Таково въ данномъ случаѣ самозаконно обстоящее логическое понятіе, въ основныхъ категоріяхъ своихъ совершенно самобытное и несводимое къ испытывающему акту субъективной души. При этомъ само собой разумѣется, что философское сознание ищетъ и обрѣтаетъ въ этомъ признаніи ту сверхсубъективную по своему значенію очевидность, съ которою „удостовереніе“ повседневнаго эмпирическаго сознанія имѣетъ очень мало общаго. Однако самый существенный пунктъ различія между обѣими ступенями онтологическаго утвержденія лежитъ, по Гегелю, въ томъ, что *эмпирическое сознаніе*, по самому характеру своего обращенія къ „предмету“, навсегда оторвано отъ него; его предметъ всегда отдѣленъ отъ него въ порядкѣ пространственнаго разобшенія, такъ, какъ тѣло отдѣлено отъ тѣла, вещь отъ вещи; его предметъ всегда есть для него „ино-бытіе“, а оно само всегда остается только *сознаніемъ*, т.-е. чѣмъ-то привходящимъ, присоединяющимся, какимъ-то вторичнымъ добавленіемъ къ самодовлѣющей видимости вещи; здѣсь невозможно дѣйствительное, асти осуществляемое и до конца доводимое раствореніе сознанія въ предметѣ. Вся задача и вся сила *философскаго мышленія* лежитъ, напротивъ, именно въ самозабвенномъ и цѣлостномъ раствореніи испытывающаго сознанія въ испытываемомъ предметѣ, какъ это показано выше. Послѣдователь Гегеля долженъ самъ пройти его путь: сначала убѣдиться въ томъ, что понятіе, смыслъ, логическое—имѣетъ самостоятельное „идеальное бытіе“, которое „упорствууетъ“ въ своей самобытности и не поддается растворенію въ

испытывающей душѣ; и далѣе, неудовлетворившись этимъ „идеальнымъ бытіемъ“ во всей его отвлеченной мертвости и пустотѣ, — осуществить *обратное раствореніе*: предать понятію свою испытывающую душу, растворить ее въ самозабвенномъ мышленіи смысла, *объективизировать* ее въ этомъ актѣ спекулятивнаго ухищленія и тѣмъ постигнуть истинную и абсолютную реальность.

Такимъ образомъ спекулятивный философъ ищетъ „объективнаго бытія“ такъ же, какъ всякій живущій, дѣйствующій и мыслящій человекъ; но находитъ его на пути своеобразнаго „самоуглубленія“, которое есть однако не углубленіе въ себя, но углубленіе въ мыслимое содержаніе, въ мыслимый предметъ. Раствореніе въ самобытной жизни спекулятивнаго смысла не просто „даетъ возможность душѣ познать“ особый „видъ реальности“; такая форма „общенія“ между душой и спекулятивнымъ понятіемъ воспроизводила бы обычное отношеніе между субъектомъ и объектомъ, при которомъ объектъ *обусловливается* субъектомъ и потому не можетъ быть познанъ въ своей *абсолютной самостоятельности*. Спекулятивное понятіе именно потому открывается человѣческому сознанію во всей своей необусловленной подлинности, что впитываетъ, вбираетъ, включаетъ мыслящую душу въ свой составъ; здѣсь субъектъ не можетъ обусловить объекта, потому что онъ самъ поглощенъ (*absorbieren*) объектомъ; „субъектъ“ оказывается органическимъ ингредиентомъ „предмета“, и въ результатѣ ихъ „встрѣчи“ и „общенія“—предметъ, понятіе оказывается *единственной реальностью*. Вотъ почему спекулятивная мысль есть абсолютная реальность и единственная реальность. Она не только есть „самостоятельное и самобытное содержаніе“, въ наличности котораго угасли вмѣстѣ съ человѣческой субъективностью и всѣ ея сомнѣнія; но она есть *все-содержаніе*, бременѣющее всѣмъ и всяческимъ богатствомъ предметныхъ разновидностей. Въ самозаконной жизни спекулятивнаго понятія человѣческое сознаніе тонетъ,

какъ ладья въ океанѣ, или какъ свѣтъ земного огонька въ лучѣ солнца; и именно поэтому оно не можетъ не признать его реальной стихіи. Однако и этимъ не все еще сказано: тонущее сознание тонетъ потому, что оно само есть фрагментъ или состояніе поглощающей его стихіи,— спекулятивнаго понятія; здѣсь совершается нѣкая космическая встрѣча двухъ разорванныхъ „половинъ“ единой субстанции, въ результатѣ которой живое творчество понятія получаетъ форму разумной сознательности. То, что открывается—жизнь спекулятивнаго смысла въ его самозаконной ритмичности,—и то, чему оно открывается—предметно-направленное и испытывающее человѣческое сознание,— суть состоянія одной и той же абсолютной первореальности, и встрѣча ихъ есть спекулятивный праздникъ космическаго исцѣленія.

Если, такимъ образомъ, могутъ быть еще представлены какія-нибудь „доказательства“ того, что спекулятивная мысль есть подлинная реальность, то это осуществимо только черезъ раскрытіе и обнаруженіе имманентно присущей ей самобытной закономѣрности. Основная форма и основная цѣль жизни Понятія всюду едины и неизмѣнны. Понятіе всюду опредѣляетъ себя само, всегда обращается въ этомъ самоопредѣленіи негативно на себя и восходитъ къ цѣльности и богатству въ содержаніи. Въ самоопредѣленіи своемъ оно движется отъ *всеобщаго къ единичности*; негативное отношеніе къ самому себѣ заставляетъ его развиваться по свойственнымъ ему законамъ *діалектики*; достиженіе *цѣльности и богатства* слагаетъ его въ своеобразное состояніе высшей *спекулятивной конкретности*. Эти формы и свойства понятіе вноситъ во все, чему оно причастно, или, вѣрнѣе, во все, что имѣетъ черезъ его присутствіе реальность: черезъ Понятіе все получаетъ форму всеобщаго, все движется діалектически, все восходитъ къ конкретному состоянію. Таковы основные законы Духа и его жизни.

2. Всеобщность мысли.

Может быть, нигдѣ не обнаруживается столь рѣзко и наглядно отличіе логики Гегеля отъ обычной формальной логики, какъ въ идеѣ всеобщаго (Allgemein). Къ этому ведетъ съ желѣзной необходимостью установленное имъ ученіе о реальности мысли; ибо вмѣстѣ съ этимъ основнымъ измѣненіемъ обновляется весь внутренній строй и порядокъ, присвояемый обычно понятію. Вся тенденція *формально-логическаго* ученія о понятіи сводится къ тому, чтобы установить ту особую, специфическую структуру и тотъ особый, специфическій порядокъ отношеній, которые присущи „идеальному понятію“ въ отличіе отъ „реальнаго явленія“.— Ordo et connexio idearum рѣзко и отчетливо не совпадаетъ съ ordo et connexio rerum. Вещи не могутъ быть родовыми и видовыми; вещи не бываютъ всеобщими и отвлеченными; вещи не подлежатъ закону тождества; ихъ нельзя „опредѣлять“ и классифицировать. За то понятія не имѣютъ пространственной формы или временной длительности; понятія лишены созерцательнаго вида и образа; они не подлежатъ процессу и измѣненію; они требуютъ другихъ познавательныхъ приѣмовъ, опредѣляются иными категоріями, повинуются особымъ законамъ.

Философія Гегеля дѣлаетъ попытку подняться надъ этими границами и различеніями и, какъ уже выяснено, установить такія категоріи, въ которыхъ должно уложиться *всякое содержаніе*. Такими категоріями могутъ быть только категоріи спекулятивной мысли или, точнѣе, только *формы жизни самого понятія*. Ибо всякое содержаніе, если оно что-нибудь „значитъ и чего-нибудь стоить“,—причастно субстанціальной реальности, т.-е. спекулятивной мысли: спекулятивное понятіе есть *сущность*, и формы его суть поэтому формы *всякаго* содержанія; не потому, что „мы“ только и „можемъ познать“ въ нихъ всякое содержаніе, какъ сказала бы „разсудочная“ теорія познанія; но потому, что спекулятивныя категоріи суть *дѣйствительные* способы

дѣйствительной жизни всего, что реально. Поэтому изслѣдовать жизнь спекулятивной мысли въ ея основныхъ формахъ—значитъ изслѣдовать сущность *всякаго* подлиннаго процесса. Мысль, понятіе, не имѣеть, по Гегелю, своихъ особыхъ, специфическихъ категорій и формъ, отличающихся отъ категорій „реального-міра“. Мысль реальна сама по себѣ и есть начало реальности во всемъ. Законъ *ея* есть законъ *всего* реального; пульсъ *ея* есть пульсъ *всякаго* совершенія; слово *ея* непреложно и не знаетъ соперничества.

Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что въ спекулятивной философіи мысль сообщаетъ всему реальному формы всеобщности, діалектическаго развитія и конкретности; и что значеніе этихъ категорій должно быть совершенно инымъ по сравненію со сходноименными категоріями формальной логики.

Сущность идеи „всеобщаго“ (Allgemein), при всякомъ пониманіи и съ любой точки зрѣнія, слагается въ *качественномъ* сопоставленіи *множества* и *единства*. Каждый разъ какъ разумѣютъ всеобщность, имѣютъ въ виду наличность нѣкотораго множества элементовъ, отличныхъ другъ отъ друга, и необходимость, такъ или иначе, образовать при ихъ участіи нѣкое единство. Всеобщность есть всегда *единство*, образовавшееся *изъ множества*; даже въ томъ случаѣ, когда вниманіе настолько поглощается *единствомъ*, что моментъ множества блѣднѣетъ или, повидимому, отпадаетъ вовсе. Вопросъ о дальнѣйшемъ опредѣленіи и пониманіи „всеобщаго“ рѣшается въ зависимости отъ того, что представляютъ изъ себя элементы этого множества и въ какомъ отношеніи они стоятъ другъ къ другу и къ слагающемуся изъ нихъ единству. Систематическій анализъ всѣхъ возможныхъ комбинацій и пониманій требуетъ конечно особаго изслѣдованія. Гегель съ своей стороны указываетъ *три* различныхъ пониманія всеобщности, изъ которыхъ онъ два отвергаетъ, какъ невѣрныя и нефилософскія, а третье устанавливаетъ, какъ истинное.

„Всеобщее“, какъ показываетъ самое слово, есть всегда

нѣчто такое, что „обще всѣмъ“ (allgemein—allen gemein); въ чемъ, такъ или иначе, „участвуютъ“ *всѣ* элементы даннаго множества. Эти элементы именуется обыкновенно „единичными“, а то единство, въ которомъ они являются участниками,—„всеобщимъ“. Отношеніе всеобщаго къ единичному слагается, такимъ образомъ, по существу изъ множества сходныхъ отношеній *единой всеобщности къ каждому изъ единичныхъ элементовъ* множества. Въ этой серіи отношеній оказывается моментъ *постоянный* и моментъ *переменный*: всеобщее есть постоянный моментъ; единичное есть моментъ переменный. Передъ лицомъ многоликаго множества всеобщность есть нѣчто постоянное и устойчивое; элементы могутъ быть различны; она *не* различна но одинакова, равна сама себѣ; элементовъ много; она едина. Поэтому всеобщее, въ самомъ общемъ опредѣленіи своемъ, является нѣкоторымъ *устойчивымъ, постояннымъ единствомъ, находящимся въ закономѣрныхъ отношеніяхъ съ „подчиненнымъ“ ему многообразнымъ множествомъ*. Всѣ три вида всеобщности, отмѣчаемые Гегелемъ, подходятъ подъ это опредѣленіе, суть его разновидности. Однако два изъ нихъ отвергаются на томъ основаніи, что сущность „закономѣрныхъ отношеній“ между всеобщностью и единичностями *не* имѣетъ въ нихъ спекулятивнаго характера.

Въ худшемъ изъ этихъ случаевъ „всеобщимъ“ является такое содержаніе, которое наблюдается во многихъ или во всѣхъ единичныхъ эмпирическихъ явленіяхъ; посредствомъ сравненія ¹⁾ этихъ „реальныхъ“ вещей или явленій удается констатировать, что данное содержаніе „устойчиво“ и потому „всеобщее“. Эта устойчивость можетъ напр., имѣть характеръ временной *длительности* какого-нибудь свойства, при сравнительно быстрой исчезаемости другихъ, болѣе преходящихъ свойствъ. Или же, — болѣе частный случай,—устойчивость состоитъ въ томъ, что какое-нибудь свойство одинаково присуще многимъ или всѣмъ эмпири-

¹⁾ Log. III. 96, 97, 292.

ческимъ вещамъ ¹⁾, при чемъ эти вещи, сохраняя свое разрозненное (абстрактное) и единичное существованіе ²⁾, объединяются въ единство только этой эфемерной, „дурной“ ³⁾ „общностью“ (Gemeinschaftlichkeit) ⁴⁾. При такомъ поверхностномъ соединеніи (Zusammenfassung) ⁵⁾ или группированіи „общее“ свойство не отвлекается отъ „конкретныхъ“ вещей, и содержаніемъ возникающей *чувственной* ⁶⁾, *эмпирической* ⁷⁾ всеобщности являются сами единичныя вещи ⁸⁾. Рефлексія ограничивается сравненіемъ и не переходитъ къ абстракціи; ей важно только охватить множество (die Vielen) ⁹⁾, или, въ лучшемъ случаѣ, все (Allheit) ¹⁰⁾; и „всеобщее“ получаетъ *здесь значеніе конкретно эмпирическаго чувственнойнаго „цѣлаго“* (Aggregat) ¹¹⁾.

Такая всеобщность есть явный продуктъ эмпирическаго знанія на первыхъ его ступеняхъ: дискретное множество чувственныхъ вещей, поверхностное объединеніе ихъ въ случайныя и эфемерныя группировки, отсутствіе работы мысли—все это дѣлаетъ эмпирическую всеобщность достояніемъ отвергнутой чувственной ступени „знанія“.

Сравнительно лучшимъ является второй, также отвергаемый, видъ всеобщаго—разсудочно абстрактный. Онъ складывается на томъ же пути, какъ и первый, довершая однако его дѣло отвлеченіемъ ¹²⁾. Устойчивое-повторяющееся свойство эмпирическихъ вещей фиксируется разсудочной

¹⁾ Ср. Rel. I. 212.

²⁾ Log. III. 96, 97; Rel. I. 54, 268.

³⁾ Recht. 115; 5 Rec. 211.

⁴⁾ Log. III, 96, 97, 292; Enc. I. 338; Recht. 59; 5 Rec. 211.

⁵⁾ Log. III, 96, 97; Rel. I. 54, 5 Rec. 215.

⁶⁾ Ср. Phän. 90; Enc. I, 332.

⁷⁾ Log. III, 98; Recht. 392.

⁸⁾ Rel I, 54.

⁹⁾ Recht. 392.

¹⁰⁾ Log. III, 96, 97, 98, 150; Enc. I. 338; Recht. 59; Rel. I, 54, 212, 268, Ph. Gesch., 44; 5 Rec. 211.

¹¹⁾ Enc. I. 128. Ср. Phän. 572.

¹²⁾ Log. III, 335.

мыслью и превращается для элементов множества въ отвлеченное *praedicabile*. „Возникшій“ родовой признакъ противопоставляется элементамъ объема, полагается *внѣ* ихъ, какъ бы помѣщается по другую сторону отъ нихъ въ видѣ абстрактнаго разсудочнаго тождества ¹⁾. Всеобщность этого дурнаго понятія состоитъ въ его способности быть приложеннымъ, примѣненнымъ, приписаннымъ, предцированнымъ *всѣмъ* элементамъ подчиненной сферы ²⁾. Здѣсь всеобщее не представляетъ уже изъ себя совокупность единичностей; оно *выдѣлено* изъ нихъ, поставлено *надъ* ними; единичныя вещи не входятъ въ него, не содержатся въ немъ ³⁾, какъ въ первомъ случаѣ, а относятся къ нему, какъ къ внѣшнему. Понятно, что такая всеобщность есть не что иное, какъ само разсудочное, формально-абстрактное понятіе и что она имѣетъ всѣ его дефекты и пороки. Ея фиксированная ⁴⁾, формальная тождественность ⁵⁾ придаетъ ей характеръ мертвости и безжизненности ⁶⁾; ея полная оторванность отъ особеннаго ⁷⁾ и ея безразличная ⁸⁾ противопоставленность единичному ⁹⁾ матеріалу—повергаетъ ее въ пустоту ¹⁰⁾ и превращаетъ въ поверхностную безсодержательность ¹¹⁾. Она обременена и обусловлена этимъ противоположеніемъ ¹²⁾; многообразныя явленія остаются въ дискретномъ видѣ ¹³⁾, внѣ понятія ¹⁴⁾, а само всеобщее, твердое и неизмѣнное ¹⁵⁾, остается аналитическимъ един-

1) Ср. *Recht.* 59.

2) Ср. *Recht.* 56, 280.

3) *Dif.* 260.

4) *Glaub.* 26.

5) *Glaub.* 97.

6) Ср. *Nohl* 390; *Phän. S.* 152—153, 513.

7) *Glaub.* 97, 129; *W. Beh.* 413.

8) *Phän* 77, 86, 88; *Log.* I 87.

9) *WBeh.* 350; *Phän.* 97; *Log.* III 98.

10) *Glaub.* 116; *WBeh.* 340; *Phän.* 77 и др.

11) *Log.* III. 60; ср. также *Phän.* 41, 185.

12) Ср. *Phän.* 96, 97.

13) *Phän.* 446.

14) *Log.* III, 21.

15) *Log.* III, 48, 49.

ством¹⁾, нереальной и недѣйствительной²⁾, абстрактной всеобщностью³⁾, лишенной опредѣлений⁴⁾. Здѣсь родовое-всеобщее не включаетъ въ себя подчиненныхъ видовъ⁵⁾, но возносится надъ ними въ пустоту. Въ самое понятіе замѣшиваются элементы чувственной непосредственности⁶⁾, и въ итогъ оно даже не можетъ быть названо понятіемъ⁷⁾: это есть „Begriff als Begriffloses“⁸⁾,— истина чувственной достовѣрности⁹⁾ не болѣе.

Такая всеобщность есть, очевидно, продуктъ формальнаго мышленія; она раздѣляетъ его познавательную полезность, его ограниченность и его общую судьбу. Философія не пріемлетъ ее, какъ и первую всеобщность, и построитъ свой особый, третій видъ, своеобразно сочетающій въ себѣ достоинства первыхъ двухъ, но свободный отъ ихъ пороковъ.

Спекулятивная всеобщность опредѣляетъ собою составъ и характеръ спекулятивной мысли: это есть сама спекулятивная мысль, разумъ, разумное познаніе, само спекулятивное понятіе¹⁰⁾. Всеобщность есть способъ „быть“, свойственный понятію¹¹⁾;—его атмосфера, которую оно всюду вноситъ съ собой;—его имманентная форма. Поэтому все, что уже извѣстно о спекулятивномъ понятіи, характеризуетъ этотъ видъ всеобщаго.

Такъ, спекулятивная всеобщность есть нѣчто само себя сознающее¹²⁾; она есть самъ-себя-знающій разумъ¹³⁾. Она

1) WBeh. 350.

2) Phän. 13, 108; Log. III, 78.

3) Log. I, 47; Log. III, 21, 22, 137, 279.

4) Log. III, 120.

5) Phän. 313.

6) Log. III, 64.

7) Log. III, 30.

8) Log. III, 47.

9) Phän. 76, 84.

10) Ср. Phän. 14, 15, 559; Log. I, 148; Log. III, 332; Enc. I 66; Enc. III, 362 и др.

11) Phän. 192.

12) Phän. 356.

13) Enc. III, 469.

есть настолько же объект, предмет, данный сознанию, насколько и субъект—сознание: объект, „охватывающий“ субъекта, и субъект, „охвативший“ свой объект ¹⁾: тождество субъекта-объекта. То, что понятие мыслить—всеобщее, ибо предмет понятия есть мысль; но и само понятие, какъ мысль—всеобщее ²⁾. Понятие мыслить себя само; это значитъ: всеобщее обращено само на себя, оно есть „ре-флексія“ (отъ reflectere—обращать назадъ) на себя ³⁾. Въ этой обращенности на себя, доступной только спекулятивному умозрѣнію ⁴⁾, всеобщее не только „идеально“, подобно разсудочной отвлеченности, но реально ⁵⁾; совпадаетъ съ бытіемъ ⁶⁾. То, что дѣйствительно, реально, то всеобщее ⁷⁾, ибо всеобщее есть сущность дѣйствительности ⁸⁾. Всеобщность есть начало субстанціальное ⁹⁾. Поэтому она сама есть свое содержаніе, свой предмет и цѣль ¹⁰⁾. Она есть живая ¹¹⁾, свободная ¹²⁾, творческая сила ¹³⁾, текучая ¹⁴⁾ и подвижная. Она сама себя въ себѣ движетъ ¹⁵⁾, въ качествѣ саморазвивающагося понятія ¹⁶⁾.

Однако всѣ эти послѣдовательные выводы изъ совпаденія всеобщности съ мыслью получаютъ живое и понятное содержаніе лишь послѣ постановки и разрѣшенія центрального вопроса: о сущности отношеній, соединяющихъ всеобщее съ единичнымъ. Въ характерѣ этихъ отношеній

1) Ср. Enc. III, 286—287.

2) Ср. Phän. 14.

3) Ср. Phän. 209.

4) Ср. Recht. 59.

5) Ср. напр. Phän. 27, 226, 356; Log. III, 78; Enc. III, 353 и др.

6) Log. III, 332, 333; Phän. 292; Enc. III, 353.

7) WBeh. 396; Phän. 374.

8) Phän. 50

9) Ср. особенно Log. III 162; Enc. I. 340, 394.

10) Recht. 56.

11) Ср. Log. III, 41—42, 247; Enc. I, 121.

12) Ср. Log. III, 39, 42; Enc. I, 396.

13) Log. III, 39, 42; ср. также Enc. III, 104.

14) Ср. Phän. 548.

15) Phän. 226.

16) Enc. III, 357 (z)

усматриваетъ центръ тяжести и самъ Гегель; при этомъ онъ считаетъ правильное пониманіе ихъ въ высшей степени важнымъ, на столько, что заблуждающемуся въ этомъ вопросѣ закрыть доступъ къ пониманію „спекулятивнаго“ и къ познанію истины ¹⁾. Дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что все ученіе о спекулятивномъ понятіи впервые раскрывается лишь послѣ того, какъ выясняется идея всеобщаго, и что, далѣе, анализъ этой идеи даетъ ключъ къ вѣрному пониманію отношенія Бога къ міру и государства къ личности.

Отношеніе это сводится къ тому, что *единичное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть, а всеобщее входитъ въ единичное, какъ его живая сущность*. И то, и другое въ порядкѣ спекулятивной мысли.

Спекулятивная всеобщность, включая въ себя единичное, проводитъ этимъ рѣзкую грань между собою и разсудочной всеобщностью и сближается за то, повидимому, съ эмпирической, чувственной всеобщностью; однако это сближеніе есть, конечно, лишь внѣшняя видимость. Абстрактное противопоставленіе подчиненнаго множества доминирующему единству, свойственное разсудочному понятію, снимается и упраздняется: множество не „внѣ“ единства, но *въ самомъ единствѣ*. Понятіе не *внѣ* своего „объема“; „объемъ“ не *внѣ* своего понятія; понятіе таково, что весь „объемъ“ его входитъ въ него, вступаетъ въ него и отождествляется съ нимъ. Всеобщее подобно цѣлому; единичное подобно его части. Однако въ отличіе отъ эмпирической, чувственной всеобщности обѣ стороны имѣютъ природу мысли: „единичное“ не есть уже „единичная чувственная вещь“, а „всеобщее“ не есть уже „чувственная совокупность“, охватывающая всѣ чувственныя вещи. Нѣтъ,— какъ всеобщее, такъ и единичное суть *живые смыслы*, спекулятивныя мысли, духовныя величины, субстанціальныя реальности. Одинъ живой смыслъ включаетъ въ себя рядъ

¹⁾ Ср. Ph. Gesch. 29—30.

другихъ подчиненныхъ живыхъ смысловъ и самъ входитъ въ нихъ, растворенный въ нихъ такъ, какъ растворена напр., сущность въ своихъ явленіяхъ.

Мыслителю, привыкшему къ категоріямъ Канта, и здѣсь, какъ раньше, больше всего объяснить идея интеллектуальной интуиціи. Если, по ученію Канта, „единичное“ есть предметъ чувственнаго созерцанія, а „всеобщее“ есть предметъ разсудочной мысли, то у Гегеля созерцающая мысль должна неизбѣжно слить единичное со всеобщимъ. Созерцающая мысль, созерцая, имѣетъ дѣло съ единичнымъ; но, въ качествѣ мышленія, она направлена на всеобщее. Если мысль совпадаетъ съ созерцаніемъ, то всеобщее должно совпасть съ единичнымъ. Далѣе, по Канту, единичное,—начало матеріальной содержательности,—пассивно дается человѣческому познанію ¹⁾, всеобщее же—начало категоріальной формы,—активно привносится субъектомъ. Въ интуитивномъ разсудкѣ, предположительно допускаемомъ Божественномъ разумѣ ¹⁾, достаточно было бы одного мыслящаго самосознанія, ибо черезъ него eo ipso было бы дано „все многообразное“ ²⁾. Это было бы своеобразное *творческое* мышленіе, самодѣтельно создающее весь многообразный матеріаль единичныхъ содержаній. Такъ дѣло и обстоитъ у Гегеля ³⁾: спекулятивное понятіе творчески создаетъ изъ себя всю подчиненную сферу единичнаго. Чувственная единичность становится смысловой единичностью; чисто „идеальное“ всеобщее теряетъ свой характеръ дурной абстрактности и становится „реальной“ всеобщностью. Или иначе: *идеально-реальная всеобщность создаетъ и охватываетъ идеально-реальную единичность*. Истина, спекулятивность, разумность—состоитъ именно въ этомъ „взаимопроницающемъ единствѣ всеобщаго и единичнаго“ ⁴⁾.

1) Ср. напр. Kant. Kritik der rein. Vern. ausg. V. Erdmann. S. 128, 139, 245, 260.

2) Ср. Kant. Kritik. der reinen Vern Ss. 128, 132.

3) Ср., напр., Moll. I, 18; Glaub. 42, 43, 44, 64—65; WBch. 413. Enc. I, 117, 396.

4) Ср. Recht. 313; Ph. Gesch. 29—30.

Вся проблема „всеобщаго“ при внимательномъ анализѣ развѣрывается въ рядъ подчиненныхъ вопросовъ, о сущности и взаимоотношеніи *трехъ* элементовъ: „всеобщаго“ (Allgemein), „особенно“ (Besonder) и „единичнаго“ (Einzel). При этомъ „особенное“ занимаетъ посредствующее положеніе между всеобщимъ и единичнымъ и, въ основномъ, раздѣляетъ судьбу единичнаго по отношенію ко всеобщему. Всѣ три элемента, какъ уже сказано, имѣютъ характеръ спекулятивной мысли со всѣми ея свойствами, атрибутами и достоинствами, и отношеніе ихъ, какъ уже ясно, имѣетъ характеръ не статической неподвижности, а динамическаго созиданія. Для того, чтобы представить себѣ наглядно весь рядъ отношеній, надлежитъ пройти его мысленно сверху внизъ —отъ всеобщаго къ единичному,—и снизу вверхъ —отъ единичнаго ко всеобщему. Въ этомъ прохожденіи, какъ его обычно излагаетъ самъ Гегель, элементы пропедевтическихъ и педагогически-мотивированныхъ разъясненій сплетаются съ тѣмъ объективнымъ содержаніемъ спекулятивнаго процесса, которое *всюду* и неизмѣнно воспроизводится въ жизни понятія. Это объясняется тѣмъ, что Гегель все время какъ бы имѣетъ въ виду тотъ экзотерическій пунктъ, до котораго ему надо опуститься и отъ котораго ему необходимо повести свое изложеніе для того, чтобы обычное сознаніе не только поняло и восприняло сущность спекулятивной жизни, но увидѣло себя неизбѣжно захваченнымъ и вовлеченнымъ въ ея объективный творческий потокъ. Обычное сознаніе, противящееся спекулятивному прозрѣнію и стремящееся удержаться на привычномъ для него уровнѣ, настаиваетъ во первыхъ на абстрактной пустотѣ своихъ понятій, во-вторыхъ, на своей субъективной и самодовлѣющей отъединенности; это значитъ, что оно держится за дурную разсудочную всеобщность понятія и за свою конкретную-эмпирическую единичность; оно отрываетъ всеобщность отъ единичности и не соединяетъ ихъ, потому что не видитъ ихъ истиннаго и реальнаго соотношенія. Понятно, что его сопротивленіе без-

сильно измѣнить что-нибудь въ истинномъ, т.-е. спекулятивномъ соотношеніи и положеніи дѣлъ; отношеніе всеобщаго къ особенному и единичному и, обратно, единичнаго къ особенному и всеобщему, не можетъ зависѣть отъ произвола и усмотрѣнія того или иного субъективнаго сознанія; заблужденіе, въ которомъ оно пребываетъ, и ложная точка зрѣнія, на которой оно настаиваетъ, не могутъ изъять „единичность“ изъ жизни „всеобщности“, или перевернуть божественный порядокъ міра. Истина не перестаетъ быть истиной оттого, что кто-нибудь утверждаетъ нѣчто, ей противорѣчащее; абсолютная реальность не мѣняется оттого, что кто-нибудь, заблуждаясь, исповѣдуетъ ложное. Однако задача философа, познавшаго истину, состоитъ въ томъ, чтобы привести уклоняющихся къ признанію ея. И вотъ, если изобразить экзотерически спекулятивное тождество „всеобщности“ и „единичности“, то *начало* пути каждый разъ будетъ представлять изъ себя какъ бы нѣкое „обращеніе Савла“, послѣ котораго начинается развертываться истинное соотношеніе элементовъ.

Путь отъ всеобщаго къ единичному есть путь отъ менѣе опредѣленнаго къ болѣе опредѣленному; отъ менѣе содержательнаго къ болѣе содержательному; отъ болѣе простаго, къ болѣе сложному; отъ болѣе однообразнаго, къ болѣе многообразному; отъ свернутаго, потенціальнаго единства, къ развернутому, актуальному единству въ множествѣ.

Извѣстно уже, что всеобщее, оторванное отъ особеннаго и единичнаго, есть неопредѣленная, безсодержательная абстракція, пустая всеобщность¹⁾, которой противостоитъ живая „особенность“²⁾. Мертвая „абстракція“ и живая „конкретность“ безнадежно оторваны другъ отъ друга, и всеобщее остается „лишеннымъ жизни, духа, красокъ и содержанія“³⁾. Абстракція, „пренебрегая“ единичнымъ

¹⁾ Кромѣ вышеприведенныхъ ссылокъ Срв. напр. Glaub. 116.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Log. III. 61.

и не спускаясь къ нему, отворачивается отъ той „глубины“, въ которой понятіе можетъ обрѣсти себя ¹⁾ и оказывается безсильной постигнуть сущность жизни, духа, Бога и спекулятивнаго понятія ²⁾. Всеобщность становится все болѣе поверхностной и безсодержательной ³⁾.

Въ этомъ плачевномъ состояніи всеобщее не можетъ оставаться. Оно какъ бы опоминается и рѣшаетъ *sentschliesst-sich*) ⁴⁾ приступить къ самоопредѣленію. Естественно, что на этомъ пути первымъ актомъ его является отрицаніе своего скуднаго и мертвеннаго содержанія; оно относится къ себѣ негативно, отрицаетъ себя. Съ этого момента наступаетъ конецъ формальному мышленію съ его разсудочной ограниченностью: понятіе обращено само на себя; въ немъ открылась спекулятивная самостоятельность и объективность; оно вступило на путь самодѣтельности. Истинная всеобщность есть „творческая сила, въ качествѣ абсолютной негативности, которая относится къ себѣ самой“ ⁵⁾. Эта негативность *имманентна* всеобщему ⁶⁾. Понятіе, прославленное своей формальной тождественностью, подвергаетъ себя спекулятивному самоотрицанію и актъ этотъ *входитъ въ самую сущность всеобщаго* ⁷⁾.

Самоотрицаніе всеобщаго раздѣляетъ его на „А“ и „не-А“: понятіе *дѣлитъ* себя ⁸⁾. Возникаетъ то состояніе понятія, которое Гегель обозначаетъ словомъ „Urtheil“ (собств. „сужденіе“): „первораздѣлъ“ („Ur-theil.“) ⁹⁾ Всеобщее раздѣлено на самостоятельные моменты ¹⁰⁾, не тождественные

¹⁾ Ср. Log. III. 60.

²⁾ Ср. Log III. 61.

³⁾ Ср. Log. III. 60.

⁴⁾ Rel. I. 183.

⁵⁾ Log. III. 42.

⁶⁾ Recht. 41.

⁷⁾ Ср. напр. Log. III. 37. 107, а также Log. II, 242. Log. III. 12. 39. Phän. 308.

⁸⁾ Rel I. 183.

⁹⁾ О такомъ пониманіи Urtheil, въ смыслѣ „ursprüngliche Theilung“, „Direction“, „Entzweiien“, вообще, „дифференціація“ см. Log. III. 68. Enc. I. 326. 374. Enc. II 641. Enc. III. 355. 440. 469.

¹⁰⁾ Log. III. 34. 34.

другъ съ другомъ ¹⁾); „нейтральное“ оказывается „расторженнымъ на дифферентныя крайности“ ²⁾), но такъ, что противоположныя стороны, созданныя понятіемъ въ немъ самомъ, остаются въ его предѣлахъ: понятіе развертывается въ сужденіе, въ „первораздѣлъ“, содержащій „тотальность“ своихъ опредѣленій ³⁾. Всеобщее, оставаясь собою, разбивается на противоположныя опредѣленія, подобно тому, какъ въ Наукоученіи Фихте Старшаго „Абсолютное Я“ раздѣлилось въ себѣ на враждебныя стороны „малаго субъекта“ (человѣка) и „природы“. Спекулятивная мысль, этотъ субъектъ, творящій себя, какъ объекта, получаетъ форму *всеобщности, которая, сама себя различая* ⁴⁾, *остается единствомъ различныхъ сторонъ* ⁵⁾.

Именно благодаря этому, т.-е. благодаря единству различнаго, всеобщее оказывается вступившимъ на путь *самоопредѣленія* ⁶⁾. Первоначальная простота всеобщаго, этого перваго момента въ понятіи ⁷⁾, смѣняется въ первомъ же спекулятивномъ актѣ его,—осложненіемъ и увеличеніемъ содержанія; при этомъ содержаніе не только увеличивается, но дифференцируется и потому становится болѣе опредѣленнымъ. Понятіе какъ бы углубляется, уходитъ въ себя, ⁸⁾ развертываетъ свое содержаніе, потенциально замершее на абстрактной высотѣ. Въ этомъ творческомъ самонаполненіи оно не выходитъ изъ себя, ни откуда извнѣ ничего не получаетъ ⁹⁾: различіе производится всеобщимъ въ немъ самомъ ¹⁰⁾ и опредѣляется „всецѣло только имъ самимъ“ ¹¹⁾.

¹⁾ Enc. I. 326

²⁾ Ср. Enc. I. 374.

³⁾ Ср. Log. III. 65. 67.

⁴⁾ Log. III. 42. 44. 107. 120. Enc. III. 25 (z).

⁵⁾ Ср. Log. III. 335.

⁶⁾ Ср. Log. III. 333. 334. Enc. III. 71.

⁷⁾ Ср. Log. III. 298.

⁸⁾ Сравни. напр. Log. III. 115.

⁹⁾ Ср. Log. III. 40.

¹⁰⁾ Log. III. 42. 120.

¹¹⁾ Log. III. 44.

Первая же негация придаетъ всеобщему нѣкую опредѣленность: всеобщее становится „опредѣленнымъ всеобщимъ“, или, что то же,—„особеннымъ“¹⁾. „Особенность“ (die Besonderheit) есть не что иное, какъ „опредѣленная всеобщность“²⁾. Иными словами, этотъ переходъ есть переходъ *въ предѣлахъ самой всеобщности* отъ менѣе опредѣленнаго состоянія къ болѣе опредѣленному состоянію³⁾.

Отсюда уже выясняется рядъ существенныхъ чертъ. Если условиться, что всеобщее есть родовое понятіе, а особенное есть видовое понятіе, то окажется, что видовое есть модификація родового, отличающееся бѣльшей опредѣленностью. Такое представленіе не чуждо и формальной логикѣ, которая учитъ, что видовое понятіе имѣетъ всѣ признаки родового плюсъ еще одинъ, или болѣе, специальныхъ (отъ species) признаковъ. Точно также наличность или присутствіе „всеобщаго“ въ „особенномъ“, т.-е. всѣхъ родовыхъ признаковъ въ содержаніи видового понятія, окажется пріемлемымъ и для формально-логическаго мыслителя: содержаніе понятія *A* окажется на лицо во всѣхъ подчиненныхъ ему видахъ—*AB*, *AC*, *AD* (истина) и т. д.; Содержаніе понятія *AB* будетъ также фигурировать во всѣхъ элементахъ своего объема—*ABa*, *ABb*, *ABc* и т. под. Напротивъ ученіе о томъ, что „особенное“ *содержится* во „всеобщемъ“, что оно *создается* послѣднимъ, и что всеобщее не только мыслится въ особенномъ, но *реально* составляетъ его внутреннюю субстанціальную сущность—будетъ совершенно несвойственнымъ формальной логикѣ. А между тѣмъ Гегель опредѣляетъ изслѣдуемое отношеніе именно такъ. Всеобщее разложилось именно *въ своихъ предѣлахъ*; поэтому особенное *возникло въ немъ*, и *остается въ немъ*⁴⁾, какъ его атрибутъ. Всеобщее и особенное не нуждаются въ томъ, чтобы только еще подходить другъ къ другу⁵⁾, какъ внѣш-

1) Ср. Log. III. 40. 43. 60.

2) Log III 60.

3) Срв. Log III. 66. 87.

4) Log I. 7 Log. III. 311. 328. Enc. III. 388. Recht. 40.

5) „nur erst hinzutreten, hinzukommen“, Glaub 97. Rel I. 183.

нее—къ внѣшнему¹⁾); особенное не есть нѣчто независимое²⁾, подводимое³⁾ подъ родовую всеобщность;—всѣ эти представленія формальны и ложны. Интуитивная мысль не исключаетъ особеннаго⁴⁾, но сама, какъ объективная всеобщность, творитъ его изъ себя, или, если угодно, полагаетъ себя въ него: всеобщее придаетъ себѣ опредѣленность, свойственную особенному⁵⁾; или иначе: особенное развивается изъ всеобщаго⁶⁾ въ направленіи къ большей опредѣленности. При этомъ особенное, оставаясь въ предѣлахъ всеобщаго, не есть только „логически“ подчиненный ему членъ его „объема“: это было бы отношеніемъ формальнаго подведенія, субсуммированія одного абстрактнаго понятія подъ другое. Особенное входитъ не только въ объемъ, но и въ *содержаніе* всеобщаго, ибо само есть членъ его содержанія: *содержаніе всеобщаго есть содержаніе всѣхъ особенныхъ понятій, созданныхъ имъ въ себѣ*. Особенное есть, такъ сказать, кость отъ кости и кровь отъ крови всеобщаго; однако, оставаясь въ его составѣ, оно подобно не отъединившемуся дѣтищу, но вѣтви, имѣющей жизнь только въ связи съ единымъ древомъ. Вотъ почему Гегель разъясняетъ, что бѣольшую обширность, бѣольшій объемъ (*weiterer Umfang*) всеобщаго отнюдь не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ бѣольшей количественной распространенности его⁷⁾; нѣтъ, это различіе между всеобщимъ и особеннымъ есть столь же *качественное*, сколь и *количественное*⁸⁾; ученіе формальной логики о томъ, что содержаніе понятія тѣмъ меньше, чѣмъ больше его объемъ, — отвергается принципиально и окончательно: *бѣольшему объему соответствуетъ*

1) Срв. Glaub. 97. 97. 116; также WBeh. 414 Log. III. 40. Enc. I. 14.

2) WBeh. 323.

3) Log I. 47.

4) Glaub. 64—65. Recht. 325

5) Ср. Enc. III. 357 (z).

6) Log III. 40.

7) Log. III. 58.

8) Log. III. 58.

необходимо и большее содержаніе, ибо послѣднее включаетъ въ себя содержаніе всѣхъ подчиненныхъ видовыхъ понятій. „Особенное“ не имѣетъ своего отдѣльнаго достоянія, которое принадлежало бы ему, и только ему; все содержательное богатство его принадлежитъ, какъ таковое, тому всеобщему, изъ нѣдръ котораго оно было выращено. Поэтому, чѣмъ болѣе развита внутренняя жизнь всеобщаго, чѣмъ дифференцированнѣе его содержаніе, чѣмъ больше особенныхъ и единичныхъ понятій оно создало въ себѣ,— тѣмъ обширнѣе его объемъ, но тѣмъ богаче ео ipso и его собственное содержаніе: ибо вся „логическая“ спецификація его остается въ его предѣлахъ. *Особенное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть.*

Естественно, что при такомъ порядкѣ вещей всеобщее оказывается „цѣлымъ“, составленнымъ изъ элементовъ своего объема: „Всеобщее,“ говоритъ Гегель, „есть тотальность своихъ обособленій“¹⁾.

Отсюда уже ясно, что „особенное“ есть начало опредѣленнаго различія: „das Unterschiedene, oder die Bestimmtheit“²⁾. Ему свойственно имѣть въ себѣ содержательную опредѣленность и отличаться отъ другихъ особенныхъ понятій.³⁾ Обособленіе (Besonderung) или дифференціація⁴⁾ ведетъ къ созданію множества разнообразныхъ⁵⁾ и одностороннихъ⁶⁾ видовыхъ понятій; они стоятъ другъ къ другу во внѣшнемъ отношеніи⁷⁾, но суть одинаково лишь моменты единого понятія⁸⁾. Они принадлежатъ къ единой всеобщности⁹⁾, входятъ въ нее; „представляютъ“ ее,¹⁰⁾ каждая

1) Ср. Log. III. 109. 167 Recht. 108. 112.

2) Епс. I. 323 срв. также Log. III. 56. 254. 255.

3) Срв. Log. III. 36.

4) Епс. I. 374.

5) Срв. Recht. 127

6) Ср. Епс. I. 383.

7) Ср. Епс. I. 142, Log. III. 36. 43.

8) Ср. Епс. I. 325.

9) Log. III 43.

10) Ср. Log III. 43.

своимъ специфическимъ опредѣленіемъ и, отличаясь другъ отъ друга, *не отличны отъ нея* ¹⁾).

Эта „неотличенность“ особеннаго отъ всеобщаго объясняется не только тѣмъ, что первое входитъ въ живую ткань второго; но еще и тѣмъ, что второе составляетъ живую сущность перваго. Опустившись въ состояніе специфической опредѣленности, всеобщее отнюдь не мѣняется, но сохраняетъ себя (*erhält sich*) ²⁾ и остается тождественнымъ ³⁾, неомраченнымъ и равнымъ себѣ ⁴⁾. Родовое понятіе сохраняется неизмѣннымъ въ своихъ видахъ ⁵⁾; оно только какъ бы населяется различіями, которыя само изъ себя создаетъ ⁶⁾. Всеобщее входитъ въ особенное, какъ его сущность ⁷⁾; особенное съ своей стороны содержитъ его въ себѣ (*enthält*) ⁸⁾ и находитъ въ немъ свою субстанцію. ⁹⁾ Въ результатѣ этого взаимопроникновенія, между „всеобщимъ“ и „особеннымъ“, т.-е. между родовымъ цѣлымъ и его видами-частями, обнаруживается единство ¹⁰⁾, болѣе того—тождество ¹¹⁾. Это отношеніе есть отношеніе абсолютнаго тождества ¹²⁾; „всеобщность“ сама по себѣ есть непосредственно, какъ таковая,—„особенность“ и знаетъ себя какъ таковую (*an und für sich selbst*) ¹³⁾; „особенное“ съ своей стороны есть само „всеобщее“ ¹⁴⁾.

Это отношеніе Гегель самъ выражаетъ иногда такъ, что всеобщее „проникаетъ“, „пропитываетъ“ (*durchdringt*) свои

1) Ср. Log. III. 43.

2) Log III. 349.

3) Enc. I. 323

4) Enc. I. 320.

5) См. Log III. 43.

6) Ср. Log. III. 43.

7) Ср. Log III. 46.

8) Ср. Log III. 43.

9) Срв. Log III. 43.

10) Glaub. 43. Recht. 325. 346.

11) Skept 109 Glaub. 44. 92. 117. 149—150. WBeh. 400. 413.

12) Glaub. 97.

13) Log. III. 51.

14) Log. III. 43.

видовыя части¹⁾. Терминъ этотъ долженъ быть принятъ отнюдь не въ переносномъ или образномъ смыслѣ. *Субстанція проникаетъ въ свои атрибуты, пропитываетъ ихъ и представляетъ изъ себя ихъ цѣлостность²⁾*,—это представленіе не разъ встрѣчается у Гегеля и выражаетъ его концепцію вполне точно. Отношеніе между всеобщимъ и его видами есть отношеніе *реальнаго взаимопроникновенія* или, по выраженію Гегеля,— *тождества*. Это тождество слѣдуетъ опять таки понимать не формально-логически, но спекулятивно-реалистически, въ смыслѣ *существеннаго совпаденія двухъ реальныхъ величинъ*. Всеобщее, творчески создавая въ себѣ, черезъ самоотрицаніе, новое содержаніе, само, не мѣняясь, растворяется въ немъ; охватываетъ и включаетъ его, подобно тому, какъ дерево включаетъ всѣ свои отвѣтвленія; составляетъ субстанціальную сущность своихъ видовъ, подобно тому, какъ реальное качество общей древесности составляетъ единую живую ткань своихъ отвѣтвленій. Въ философіи Гегеля строй понятій совмѣщаетъ черты созерцательно-реальныхъ отношений съ чертами мыслительно-формальными: первыя получаютъ значеніе вторыхъ, вторыя истолковываются и строятся по способу первыхъ.

Движеніе всеобщаго не останавливается на созданіи особеннаго, но продолжается далѣе и нисходитъ къ единичному. Въ общемъ это нисхожденіе носитъ тѣ же черты и приводитъ къ аналогичнымъ результатамъ; однако не безъ осложненій.

Въ созданіи особеннаго обнаружилось, что всеобщее есть его сущность; но сущность самого всеобщаго состоитъ, какъ уже выяснилось, въ томъ, чтобы быть обращеннымъ на себя въ творческой негативности. Отсюда необходимость новой „рефлексіи“ и дальнѣйшей, „второй“ негации³⁾. Особенное, имѣя въ себѣ всеобщность, или, что то же, всеобщее въ состояніи особенности, вновь обра-

¹⁾ Ср. напр. Log. III. 181.

²⁾ Ср. напр. Recht. 108.

³⁾ Ср. Log. III. 40.

щается на себя¹⁾ и совершает новое разъединеніе и опредѣленіе. То, что было разъ уже опредѣлено, опредѣляется вновь; создается спецификація „спеціального“ (отъ species), возникаетъ „опредѣленная опредѣленность“, т.-е. единичность²⁾. Нисходя на эту новую ступень въ своемъ самотворчествѣ, понятіе естественно получаетъ бремя новыхъ опредѣленій; образуется нижній рядъ уже специфически опредѣленныхъ видовыхъ смысловъ: *единичныхъ понятій*.

Единичное, какъ послѣдняя, низшая ступень въ само-спецификаціи понятія, является *противоположностью*³⁾ для сосѣднихъ единичныхъ образованій и *основой*⁴⁾ для высшихъ ступеней. Единичное есть начало индивидуальности⁵⁾, отъединенія, противопоставленія себя другому. Если дифференціація обнаруживалась уже въ предѣлахъ особеннаго, то въ сферѣ единичнаго она является неизбѣжнымъ господствующимъ закономъ. Сфера единичнаго представляется множествомъ содержательно законченныхъ смысловыхъ фигурацій, отдѣльныхъ, не совпадающихъ между собой, стоящихъ другъ *противъ* друга. Вступая въ эту область, въ царство единичнаго, предметъ самъ въ себѣ какъ бы разбредается (*auseinander gehen*)⁶⁾ на множество самостоятельныхъ, съ виду, образованій, сохраняющихъ впрочемъ по существу свою спекулятивную природу и, соотвѣтственно, свою связь съ высшими ступенями ряда. Понятіе ведетъ здѣсь жизнь многообразно раздѣльную; оно имѣетъ множественную форму и въ этомъ разбродѣ есть какъ бы „утрата себя самого“⁷⁾. Каждый единичный смыслъ имѣетъ свою опредѣленность; онъ по новому, своеобразно модифицируетъ и предста-

1) Ср. Enc. I. 320.

2) Ср. Log. III. 60.

3) Ср. Log. III. 56.

4) Ср. Log. III. 56. Enc. I. 323.

5) Log. III. 61.

6) Log. III. 304.

7) Ср. Log. III. 51. 63.

вляеть развивающуюся сущность всеобщаго. Единичность богата опредѣленіями и содержаніемъ: она полна живого красочнаго содержанія ¹⁾, своеобразно сочетающагося въ ней въ единичную смысловую конкретность ²⁾.

Такова единичность сама по себѣ и въ своемъ отношеніи къ другимъ единичностямъ. Однако ея истинную внутреннюю сущность открываетъ только ея связь съ высшими степенями: особеннаго и всеобщаго.

Единичное относится къ особенному такъ, какъ особенное ко всеобщему. Въ сущности говоря, этимъ все сказано. Особенное есть по отношенію къ единичному „неопредѣленная опредѣленность“ или „всеобщая опредѣленность“ ³⁾; формальный логикъ предложилъ бы здѣсь терминъ „ближайшаго родового понятія“. Поэтому между особеннымъ и единичнымъ обнаруживаются тѣ отношенія, которыя связываютъ спекулятивный родъ со спекулятивнымъ видомъ. Негативной рефлексіей на себя особенное отрицаетъ себя, разлагается и опускается въ состояніе единичнаго. Оказывается, что одна наличность особеннаго полагаетъ уже бытіе единичнаго ⁴⁾, и что „особенность“ есть „столь же непосредственно сама по себѣ и для себя“ — „единичность“, сколь непосредственно всеобщность была особенностью ⁵⁾. Въ особенномъ — всеобщее и единичное находятъ своего посредника ⁶⁾ и черезъ него они вступаютъ въ контактъ и соединеніе ⁷⁾. Съ другой стороны единичное оказывается воспріявшимъ въ себя и содержащимъ въ себѣ ⁸⁾ обѣ высшія формации: оно представляетъ ту *основу* (Grund ⁹⁾, Grundlage ¹⁰⁾, въ которую углубились родъ и видъ, которая при-

¹⁾ Ср. Log. III. 61.

²⁾ Ср. Log. III. 63. 40.

³⁾ Ср. Log. III. 87.

⁴⁾ Ср. Log. III. 60.

⁵⁾ Ср. Log. III. 51.

⁶⁾ Ср. Log. III. 87—88.

⁷⁾ Ср. Log. III. 81.

⁸⁾ Enc. I. 324.

⁹⁾ Log. III. 56. Enc. I. 323.

¹⁰⁾ Enc. I. 324.

общилась через нихъ сущности и сама стала, въ результатѣ этого, субстанціальной ¹⁾). Всеобщее и особенное суть моменты или этапы въ процессѣ образованія единичнаго ²⁾); достиженіе послѣдняго означаетъ, что понятіе развернуло свою жизнь въ стройные кадры опредѣленныхъ, содержательныхъ, конкретных и многообразныхъ смысловыхъ единичностей.

Естественно однако, что эти кадры единичныхъ смысловъ связаны съ особеннымъ и всеобщимъ, какъ со своей подлинной сущностью. Спускаясь въ состояніе единичности, всеобщее и особенное отнюдь не переходятъ во что-то другое, но полагаютъ лишь то, что они *суть сами по себѣ и для себя* ³⁾). Единичное, съ одной стороны, остается въ предѣлахъ особеннаго и, шире говоря, всеобщаго: послѣднее, сохраняя свою природу въ неизмѣнномъ и тождественномъ видѣ, содержитъ въ себѣ сферы особеннаго и единичнаго ⁴⁾). Съ другой стороны, единичное получаетъ свои основныя и существенныя свойства отъ присутствія въ немъ всеобщаго, начала субстанціальности ⁵⁾). Вновь обнаруживается взаимопроникновеніе сферъ ⁶⁾): *всеобщее и единичное* проникаются взаимно другъ другомъ черезъ посредствующую инстанцію особеннаго. *Единичное есть живая часть всеобщаго; всеобщее есть живая внутренняя сущность единичнаго.* Обычное ученіе о томъ, что всеобщее „присуще“ (inhärrt) единичному, получаетъ углубленное истолкованіе въ смыслѣ „внутренняго присутствія“ въ чемъ-либо. Разъ что всеобщее стоитъ къ единичному въ отношеній „Inhärenz“, то единичное само есть всеобщее ⁷⁾). Точно также обычное ученіе о томъ, что единичное подчинено (subsumirt) всеобщему, получаетъ новое истолкованіе въ смыслѣ „вхожденія въ составъ“ чего-

¹⁾ Enc. I. 324.

²⁾ Log. III. 60.

³⁾ Ср. Log. III. 60.

⁴⁾ Ср. Enc. I. 323.

⁵⁾ Ср., напр., Enc. II. 640. 641.

⁶⁾ Ср. Phän. 310. Recht. 313.

⁷⁾ Log. III. 144.

либо. Разъ что всеобщее стоитъ къ единичному въ отношеніи „Subsumtion“ — то оно включаетъ его въ себя, становится имъ, само есть единичное ¹⁾. Всѣ единичности входятъ въ объемъ всеобщаго, но не въ „формально логическій“ объемъ, а въ спекулятивно реальный. Всѣ опредѣленія единичныхъ смысловъ суть опредѣленія самого, охватывающаго и включающаго ихъ, всеобщаго. Единичное проникнуто всеобщимъ, а всеобщее проникнуто единичнымъ: такъ вѣтви и листья составляютъ дерево и сами получаютъ отъ него свои живые существенные соки.

И вотъ обнаруживается, что традиціонная противоположность между всеобщимъ и единичнымъ есть нѣчто кажущееся ²⁾. Истина въ томъ, что обѣ стороны соединяются ³⁾; и сущность разумности состоитъ во взаимопроникающемъ единствѣ единичнаго и всеобщаго ⁴⁾. Здѣсь налицо настоящее совпаденіе, непосредственное спекулятивное тождество ⁵⁾. Единичное, какъ совокупность смысловыхъ единичностей, представляетъ изъ себя цѣлокупность, тотальность понятія ⁶⁾, весь объемъ его содержанія, т.-е. самоё всеобщность; и наоборотъ. Понять и выговорить всеобщее — значитъ ео ipso понять и выговорить единичное; и обратно ⁷⁾. Истинное спекулятивное всеобщее есть непосредственно, тѣмъ самымъ, особенность и единичность ⁸⁾; оно пропитываетъ особенность, и въ ней, и вмѣстѣ съ ней оказывается единичностью ⁹⁾. Поэтому если можно принять, что всеобщее характеризуется какъ тождество, особенное — какъ различіе, а единичное — какъ противоположность и основа ¹⁰⁾,

¹⁾ Log. III. 144; къ этому ср. Enc. III. 410. 412, гдѣ рѣзко осуждается обычное формально логическое пониманіе субсуммированія.

²⁾ Log. III. 12—13. Ср. также Phän. 110.

³⁾ Ср. Ph. Gesch. 29—30.

⁴⁾ Ср. Enc. II. 640. 641. Recht. 313.

⁵⁾ Ср. Log. III. 12. 156 и др.

⁶⁾ Ср. Log. III. 12. Enc. I, 320.

⁷⁾ Log. III. 12—13.

⁸⁾ Log. III. 42.

⁹⁾ Log. III. 181.

¹⁰⁾ Log. III. 56. Enc. I. 323.

то лишь съ тѣмъ существеннымъ добавленіемъ, что особенное и единичное содержатся во всеобщемъ ¹⁾, т.-е. что *тождество содержитъ въ себѣ различіе и противоположность*, или, иными словами, что *тождество есть живая сущность различія и противоположности*: такъ, діалектика есть подлинный *modus vivendi* спекулятивной мысли.

Вслѣдствіе такого тождества, именно, благодаря тому, что всеобщность составляетъ сущность каждой единичности,—послѣдняя получаетъ ея основныя свойства и черты. Не говоря уже о томъ, что единичность живетъ всегда въ элементѣ мысли и сама есть мысль,—всеобщее сообщаетъ ей способность къ саморефлексіи, самоотрицанію и самодѣятельности. Единичность есть, согласно этому, не что иное, какъ негативное единство, вступающее въ отношеніе съ самимъ собой ²⁾; она возвращается къ себѣ, отрицаетъ себя ³⁾ и черезъ это получаетъ способность къ обновленію и воспроизведенію (*Reproduktion*) ⁴⁾ своего содержанія и своихъ опредѣленій. Единичность есть поэтому начало творческое, самодѣятельное, дѣйствующее въ себѣ и на себя самоё ⁵⁾. Эта самодѣятельность, берущая свое начало въ самоотрицаніи и движущаяся къ обогащенію себя новыми опредѣленіями, есть принципъ и сущность всяческой жизни. Вотъ почему Гегель говоритъ, что все живое есть тождество всеобщаго и особеннаго ⁶⁾, подразумѣвая включенность единичности въ особенность; „жизнь“,—такъ выражаетъ онъ эту мысль иначе,—„есть абсолютная всеобщность“ ⁷⁾, т.-е. всеобщность, слившаяся съ единичностью, очистившаяся отъ противопоставленія ей ⁸⁾, и т. д.

Не трудно понять, что представляетъ изъ себя эта низ-

¹⁾ Enc. I. 323.

²⁾ Ср. Log. III. 51. 60. 123. 165.

³⁾ Ср. Log. III. 14. 88.

⁴⁾ Ср. Log. III. 254. 255.

⁵⁾ Enc. I. 320.

⁶⁾ Ср. W. Beh. 414. 415. 419. 420.

⁷⁾ Ср. Log. III. 247.

⁸⁾ Ср. Phän. 110.

шая ступень понятія, именуемая „единичнымъ“. Это есть *индивидуально определенный фрагментъ* (или, вѣрнѣе и точнѣе, *органъ*) *единой субстанции*. Каждое ens, имѣющее внутреннюю содержательную опредѣленность, есть единичность, состоящая „качественно“ изъ атрибутовъ субстанции и включенная „количественно“ въ ея всеобъемлющій составъ. Отсюда само собой вытекаетъ, что никакой единичности, оторванной отъ всеобщности, не существуетъ въ мірѣ, точно такъ же, какъ не существуетъ и всеобщности, оторванной отъ единичности; эти абстрактныя формации обрѣтаются только среди иллюзій эмпирически ограниченного и упорствующаго сознанія. Но, такъ какъ въ спекулятивномъ, т.-е. единственно-реальномъ и абсолютно-реальномъ мірѣ все движется къ максимальной содержательной опредѣленности, то процессъ, совершаемый понятіемъ отъ всеобщаго къ единичному, есть прототипъ всякаго спекулятивнаго движенія. Состояніе „спекулятивной единичности“ есть всегда высшее состояніе понятія. При этомъ его слѣдуетъ представлять себѣ для полноты картины не только какъ одну отдѣльную единичность, какъ одинъ опредѣленный фрагментъ субстанции, включенный въ нее и включающій ее въ себя, но какъ цѣлое множество, цѣлую систему индивидуально опредѣленныхъ единичностей, мысленно фиксируемыхъ въ видѣ „отдѣльныхъ фрагментовъ реальности“, но по существу стоящихъ въ спекулятивной сращенности со всеобщимъ. При такомъ пониманіи ученіе о всеобщемъ дѣйствительно разъясняетъ отношеніе Бога къ его модусамъ и государства къ личности. Ибо Богъ есть Всеобщее, а фрагменты міра—единичны; и государство есть всеобщее, а человѣческая личность—единична. Спекулятивная наука, обнаруживая тождество всеобщаго и единичнаго, раскрываетъ сущность космическаго и въ частности соціально-политическаго обстоянія.

Все это станетъ еще яснѣе и нагляднѣе, если пройти мысленно тотъ же путь въ обратномъ направленіи: отъ единичнаго ко всеобщему. Если путь внизъ начинался съ

абстрактной всеобщности, оторванной от особеннаго и единичнаго, и вель къ ея самопогруженію въ содержаніе, къ сращенію ея съ единичностью, — то путь вверхъ начинается съ абстрактной единичности, оторванной от особеннаго и всеобщаго, и ведетъ къ ея самоподъятію и включенію въ высшія сферы, къ сращенію ея со всеобщностью.

Единичность сама по себѣ, въ качествѣ начала отъединенія, спецификаціи и противоположенія, есть нѣчто, тяготящее не только къ обособленію отъ другихъ единичностей, но и къ противопоставленію себя высшимъ ступенямъ понятія. Въ отрывѣ отъ особеннаго и всеобщаго, уединенная и замкнутая, единичность оказывается чѣмъ-то „ограниченнымъ“ ¹⁾, лишеннымъ живыхъ связей, какой-то „недѣйствительной и безсильной самостью“ (Selbst) ²⁾. Взятая сама по себѣ, она есть часть ³⁾, не признающая себя частью; продуктъ ⁴⁾, не желающій знать о своей созданности; она подобна бродягѣ, непомнящему родства, и думаетъ въ этомъ видѣ предпринять самоутвержденіе. Однако именно въ этомъ состояніи она искажаетъ свою истинную сущность и „не соотвѣтствуетъ своему понятію“; такое несоотвѣтствіе, такая ограниченность ея бытія дѣлаетъ ее *конечною* и ведетъ ее къ гибели ⁵⁾. Единичность, утверждающая свою независимость отъ всеобщаго, есть принципъ произвола и зла ⁶⁾. Все обиліе ея опредѣленій не можетъ ее спасти, ибо оторванность отъ субстанціальной жизни лишаетъ ее внутренняго средоточія и закономерности въ саморазвитіи. Ей грозитъ, подобно эмпирической вещи, тщета и распыленіе.

Въ такомъ состояніи самообольщеннаго ничтожества единичность не можетъ оставаться: она должна обратиться на себя съ глубокимъ неудовлетвореніемъ, отринуть себя

¹⁾ Ср., напр., Nohl. 293.

²⁾ Ср. Phän. 363.

³⁾ Ср. Glaub. 17. W Beh. 330. 341. 381. 385.

⁴⁾ Enc. I. 374.

⁵⁾ Ср. Enc. I. 385.

⁶⁾ Ср. Recht. 184. 185.

и возродиться изъ этой негации къ субстанціальной жизни. Самоотрицаніе ведетъ ее къ раздѣленію ея конкретной ¹⁾ природы на составные элементы и къ подведенію ихъ подъ особенныя, видовыя понятія; однако въ этихъ сужденіяхъ, открывающихъ, что „единичное“ *есть* „особенное“ ²⁾, совершается не простое подведеніе (Subsumtion), но своеобразное *расширеніе* (Erweiterung) ³⁾ единичнаго до особеннаго. Единичность, превратившаяся черезъ само-негацию въ живую спекулятивно-смысловую величину, убѣждается, что ея опредѣленія не суть проявленія ея специфической, своеобразной ограниченности, но фрагменты болѣе широкихъ смысловыхъ реальностей; каждое опредѣленіе ея предстаетъ для нея въ живой связи, въ непосредственномъ единствѣ съ качественно тождественнымъ, но болѣе обширнымъ смысловымъ образованіемъ — „особеннымъ“; единичность открываетъ особенное въ себѣ и находитъ себя въ особенномъ. Особенное *пронизываетъ* ее такъ, какъ существенная ткань проникаетъ свой единичный фрагментъ; особенное въ то же время *включаетъ* ее и на ряду съ нею еще другія многія модификаціи той же природы. Единичность убѣждается, что *она есть особенное*, что она образуетъ вмѣстѣ съ другими подобными ей единичностями обширное поле „единичнаго“, составляющаго все „содержаніе“ и весь „реальный объемъ“ особеннаго. *Единичное входитъ въ особенное, какъ его живая часть; особенное входитъ въ единичное, какъ его живая сущность.*

Это движеніе самоотрицанія и подъема ⁴⁾ есть по существу восхожденіе единичнаго къ Духу ⁵⁾; процессъ его одухотворенія ⁶⁾. Разъ начавшись, онъ увлекаетъ единичность далѣе и возводитъ ее ко всеобщему, къ осознанію своей

¹⁾ Ср., напр., Log. III 63. „Concretes, Inhalt Einzelnes“.

²⁾ Ср., напр., Log. III. 87. 89.

³⁾ Log. III. 89.

⁴⁾ Ср. Log. III. 75.

⁵⁾ Log. III. 270.

⁶⁾ Enc. III. 133 (Z).

связи, своего единства, своего *тождества* съ нимъ. Этотъ путь есть для единичности путь отреченія (Entsagung) и самопожертвованія (Aufopferung) ¹⁾; въ качествѣ оторваннаго, неподвижнаго, „прочнаго“ ²⁾ начала, она перестаетъ существовать и въ этой смерти своей находитъ свою сущность, становится своимъ понятіемъ, сливается и отождествляется со всеобщимъ ³⁾. Единичность убѣждается въ томъ, что всеобщность есть ея истина ⁴⁾, и что она сама, въ своей жизни и въ исполненіи своего дѣла, безсознательно осуществляла нѣкоторое всеобщее дѣло ⁵⁾. Въ этомъ самопознаніи единичность признаетъ, что она, какъ особая смысловая фигураціи, входитъ въ объемъ всеобщаго, и что содержаніе ея, вся совокупность ея опредѣленій, есть фрагментъ основнаго и единаго, субстанціального содержанія всеобщности; иными словами, что *единичное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть; а всеобщее входитъ въ единичное, какъ его живая сущность*.

Въ такомъ тождественномъ слияніи со всеобщимъ все единичное, какъ нѣчто самостоятельное и независимое, перестаетъ существовать: оно безъ остатка вобралось въ субстанцію всеобщаго; оно „разрѣшается“ (auflösen) ⁶⁾ послѣднимъ въ его жизненномъ процессѣ. Всеобщее „подъемлетъ“ (aufheben) ⁷⁾ всякую единичность, что, по терминологіи Гегеля, означаетъ: „отрицаетъ ее въ ея мнимой самостоятельности, но сохраняетъ ее въ мѣру ея истинности, включая въ высшее соединеніе“. Это отношеніе подыатія, совпадающее обычно съ отношеніемъ „истины“, возможно здѣсь именно потому, что всеобщее есть объективная сущность всего единичнаго, всякаго индивидуальнаго образованія ⁸⁾,

1) Phän. 390. 397.

2) W Beh. 384.

3) Ср. W Beh. 370.

4) Ср. Recht. 161.

5) Ср. Phän. 266.

6) Ср. Phän. 548. Log. II. 99. Ср. къ этому Rel. I. 268.

7) Ср. Phän. 390. Recht. 59.

8) Ср. Glaub. 7. Phän. 136. 229. Log. III. 187.

сущность, противъ которой невозможно никакое сопротивленіе ¹⁾.

Это отношеніе можно выразить еще такъ, что единичность, поднятая во всеобщее получаетъ способности всеобщаго, а всеобщность, спустившаяся къ единичному, получаетъ черты единичнаго. Единичность пронизана мыслью, сама есть спекулятивная мысль; она живетъ самоотрицаніемъ ²⁾; она причастна поэтому абстрактности ³⁾; она есть нѣчто, внутренне субстанціальное. Всеобщность наполнена содержаніемъ, сама есть *все* возможное содержаніе; она есть живая, конкретная ⁴⁾ всеобщность, или живой, всеобъемлющій субъектъ. Единичное, растворяясь во всеобщемъ, впитываетъ въ себя и усваиваетъ себѣ *даже* все его содержаніе; такое высшее сліяніе доступно конечно только интеллигенціи ⁵⁾, или человѣческому разуму. Всеобщее со своей стороны включаетъ въ себя даже тяготѣніе единичности къ одинокому, исключительному самоутвержденію; такое самоутвержденіе доступно, конечно, только высшей спекулятивной всеобщности, которая совпадаетъ съ субстанціей.

Такъ слагается строй отношеній между всеобщимъ, особеннымъ и единичнымъ. Всеобщность есть „свободное равенство съ самимъ собой въ своей опредѣленности“ ⁶⁾; особенность есть „опредѣленность, въ которой всеобщее остается неомраченнымъ, равнымъ самому себѣ“ ⁷⁾; единичность есть „рефлексія опредѣленностей всеобщаго и единичнаго въ себѣ, негативное единство съ собою, опредѣленное само по себѣ и для себя и въ то же время тождественное съ собою или—всеобщее“ ⁸⁾. Всѣ эти три ступени вмѣстѣ

¹⁾ Ср. Log. III. 187.

²⁾ Ср. напр. Log. III. 14. 51.

³⁾ Ср. не совсѣмъ удачную формулу объ абстракціи, какъ «душѣ единичности» Log. III. 63.

⁴⁾ Ср. напр. Log. III. 63. Enc. I. 374.

⁵⁾ Ср. WBeh. 394.

⁶⁾ Enc. I. 320.

⁷⁾ Enc. I. 320.

⁸⁾ Ibidem.

образуютъ единое цѣлое: понятие). Строго говоря, съ эзотерической точки зрѣнія, никакихъ особыхъ самостоятельныхъ ступеней *нѣтъ*: единичное проникнуто всеобщимъ и включено въ него, всеобщее охватываетъ единичное и составляетъ его внутреннюю субстанціальную природу. Въ такомъ непосредственномъ тождествѣ они представляютъ изъ себя „родъ“ (Gattung), или само понятие.

„Родъ“ не совпадаетъ, конечно, съ обычнымъ „родовымъ понятіемъ“: онъ „содержитъ въ своей субстанціальной зрѣлости всѣ единичныя опредѣленія въ разрѣшенномъ видѣ“³⁾. Онъ есть „всеобщность видовъ“⁴⁾, ихъ „имманентное и конкретное единство“⁵⁾; онъ представляетъ изъ себя такую всеобщность, которая наполнена содержаніемъ всѣхъ различныхъ крайностей⁶⁾. Родъ есть „конкретная всеобщность“⁷⁾. Далѣе, онъ не есть ирреальный продуктъ субъективной мысли, но реальная, объективно сущая величина. Эта реальная всеобщность есть *сущность* всякой дѣйствительности⁸⁾; она объективна и существенна, какъ въ душевномъ, такъ и въ тѣлесномъ⁹⁾; она есть внутренняя природа вещи, сущая сама по себѣ и для себя¹⁰⁾; она есть „проникающая имманентная сущность объектовъ“¹¹⁾. Родъ есть „объективная всеобщность“¹²⁾. Наконецъ, эта всеобщность, въ качествѣ

1) Ibidem.

2) Ср. Log. III. 149. 155. Иногда Гегель, въ ущербъ единству и устойчивости терминологии, называетъ «Gattung» — всеобщность, не впитавшую въ себя подчиненную сферу; это можетъ сильно затруднить читателя. Напр. Enc. I. 341.

3) Log. III. 99. Ср. Log. III. 167.

4) Log. III. 106. Ср. Log. III. 162. Enc. I. 394.

5) Log. III. 106.

6) Ср. Log. III. 160.

7) Log. III. 105. Enc. I. 340. Enc. II. 639. Enc. III. 334. (Z) Ср. еще: Log. I. 7. Log. III. 40. 78. 99. 107. 108. 114. Enc. I. 66. 117. 118. 126. 374. Enc. III. 71 (Z). 427. Recht. 41. 43. 59. 64. 5 Rec. 213.

8) Ср. Phän. 50.

9) Ср. Log. III. 187.

10) Ср. Log. III. 100. 160.

11) Log. III. 195. Ср. 202. Phän. 136.

12) Log. III. 99. 155. 156. 159. 160.

самой спекулятивной мысли, съ которой она совпадаетъ, есть сама абсолютная реальность или, что то же, единая субстанція. Родъ есть „субстанціальная всеобщность“ ¹⁾.

Понятно, что родъ, или, что то же, спекулятивная всеобщность, получаетъ форму *цѣлаго*, „тотальности“ ²⁾. Все особенное и все единичное включено въ него; онъ состоитъ изъ частичныхъ смысловъ, составляя ихъ. Родъ есть конкретная ³⁾, объективная, субстанціальная тотальность, въ высшей степени богатая опредѣленіями ⁴⁾; онъ включаетъ въ себя *все* реальное; и ничто не можетъ избѣгнуть ⁵⁾ этой включенности. Спекулятивное понятіе есть нѣчто вездѣ-сущее ⁶⁾ и всеохватывающее. Родъ есть нѣкій всеобъемлющій панъ; внѣ его нѣтъ ничего. Именно поэтому всеобщее бесконечно—истинной бесконечностью; не имѣя ничего внѣ себя, оно ничѣмъ не ограничено; то, что ограничено—то не всеобщее ⁷⁾. Въ спекулятивной всеобщности „снято всякое ограниченіе“ ⁸⁾; все, что есть—есть *въ ней*. Поэтому она можетъ *свободно* самоопредѣляться ⁹⁾, развиваясь изнутри и развертывая свое богатство ¹⁰⁾. Всеобщность въ этомъ внутреннемъ центростремительномъ творчествѣ своемъ есть сама бесконечность ¹¹⁾, совершенствующая себя въ своемъ круговомъ движеніи.

Понятно далѣе, почему Гегель характеризуетъ спекулятивную всеобщность, какъ „свободную силу“ ¹²⁾. Всеобщее

¹⁾ Log. III. 106. 162. Enc. I. 394. ср. Log. III. 167. Enc. I. 340. Enc. II. 640, 641. Recht. 59.

²⁾ Ср. напр. Log. III. 40. 44. 49. 109. 166. 167. 334. Enc. I. 341. 342. 360. Recht. 108. 112. 5. Rec. 213.

³⁾ Ср. Log. III. 334.

⁴⁾ Ср. Log. III. 37.

⁵⁾ Ср. Enc. I. 36.

⁶⁾ «Allgegenwärtig» ср. Phän. 126. Enc. II. 153. 269. Enc. III. 52.

⁷⁾ Ср. Skept. 103.

⁸⁾ Ср. Recht. 59.

⁹⁾ Ср. Log. III. 42. Ср. еще Log. III. 40. 43. 44. 333. 334. Enc. III. 71. Recht. 56.

¹⁰⁾ Ср. Log. III. 349.

¹¹⁾ Ср. WBeh. 343. 355. Recht. 41. 73.

¹²⁾ Ср. Log. I. 39.

есть творческая сила, не страшаясь самоотрицания ¹⁾, и создающая через него всякое содержаніе; въ качествѣ субстанціи она есть „абсолютная сила“ ²⁾ по отношенію къ своимъ акциденціямъ и опредѣленіямъ. Спекулятивная всеобщность, въ отдѣльныхъ сферахъ или представителяхъ своихъ, является въ видѣ цѣлаго ряда „невѣсомыхъ“ (imponderable), нематеріальныхъ „двигателей“ (Agentien), которые пронизываютъ или „проникаютъ безсознательнымъ образомъ“ людей и вещи и „осуществляютъ въ нихъ свое значеніе“ (sich in ihnen geltend machen) ³⁾. Ничто не можетъ сопротивляться этимъ силамъ; ибо онѣ *существенны*, а все прочее передъ ними несущественно (ein — Unwesentliches) ⁴⁾. Такими сообщающими себя (Mittheilbare) ⁵⁾ духовными силами являются въ разныхъ сферахъ бытія: законы, нравы, разумныя представленія вообще (въ сферѣ духа), движеніе, теплота, магнетизмъ, электричество (въ сферѣ природы) ⁶⁾; свободныя отъ матеріальности, эти силы только на ступени единичнаго получаютъ опредѣленіе матеріи ⁷⁾ и всѣ вмѣстѣ, въ качествѣ „особенныхъ“ всеобщностей, несутъ въ себѣ дыханіе единого духа, единой всеобщей субстанціи.

Тому, кто дастъ себѣ трудъ углубиться въ пониманіе всѣхъ этихъ опредѣленій, формулирующихъ точку зрѣнія спекулятивной философіи, — сущность всеобщаго представителю въ той непосредственной простотѣ, въ какой она предносилась самому Гегелю. Природа всеобщаго состоитъ въ томъ, чтобы быть самимъ собой и въ то же время своимъ инобытіемъ (sein Anderes) ⁸⁾. Оно преодолеваетъ и захватываетъ всякое инобытіе (übergreift) ⁹⁾, и образуетъ съ

¹⁾ Ср. Log. III. 42.

²⁾ Enc. III. 104.

³⁾ Log. III. 187—188.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Log. III. 187—188. Ср. Log. III. 349.

⁶⁾ Log. III. 187—188.

⁷⁾ Ср. Log. III. 187—188.

⁸⁾ Enc. I. 36. Ср. къ этому Log. III. 259.. 261.

⁹⁾ Ср. Log. I. 48. Log. III. 39. Enc. III. 53 (Z) Enc. III. 353.

нимъ единство ¹⁾; ничто не можетъ избѣгнуть этой участи ²⁾: всеобщее проникаетъ во все, проходить (durchlaufen, durchgängig) ³⁾ черезъ все, не зная границъ и не позволяя прерывать свою дѣятельность ⁴⁾. Оно представляетъ изъ себя единую субстанціальную непрерывность и сплошность (Kontinuum) ⁵⁾, которая угашаетъ (löscht aus) въ „непреодолимой эластичности своего единства“ ⁶⁾ всю видимую разрозненность и многообразіе дѣятельныхъ началъ. Поэтому всеобщее, будучи въ другомъ, остается самимъ собою; не переходитъ ни во что другое ⁷⁾, но и не насилуетъ чужую природу ⁸⁾, растворяя ее въ себѣ, впитывая, усвая и ассимилируя ее до полного сліянія въ тождество. Оно безпрепятственно (ungehindert) вживается во всякое конкретное многообразіе, живетъ въ немъ (inwohnen) ⁹⁾, и въ то же время остается безпредѣльно равнымъ себѣ ¹⁰⁾, тождественнымъ съ собою ¹¹⁾ и неизмѣннымъ. Всеобщее, непрерывно и неомраченно продолжая себя черезъ всякое содержаніе, обнаруживаетъ способность къ „безсмертному самоподдержанію“ ¹²⁾. Имѣя передъ собою какое-либо инобытіе или различіе, оно знаетъ, что оно, само всеобщее, составляетъ сущность этого другого; и потому оно относится къ другому такъ, какъ къ самому себѣ: *всеобщее есть любовь* ¹³⁾, свобода въ любви (freie Liebe). И потому оно можетъ быть названо также „безграничнымъ блаженствомъ“ (schrankenlose Seligkeit ¹⁴⁾).

¹⁾ Ср. Enc. III. 353. Log. III. 104.

²⁾ Ср. Enc. I. 36.

³⁾ Ср. Phän. 209. Log. III. 118. Enc. III. 275 (Z).

⁴⁾ Enc. III. 275 (Z). Rel. I. 53.

⁵⁾ Ср. Phän. 389. 504. 506. Log. III. 38—39. 292. 293.

⁶⁾ Phän. 548.

⁷⁾ Ср. Log. III. 42. 60.

⁸⁾ Ср. Log. III. 39.

⁹⁾ Log. III. 38—39.

¹⁰⁾ Log. III. 12. 14. 38—39. 46. 218. Enc. I. 320.

¹¹⁾ Log. II. 242. Log. III. 36. Enc. I. 323. Recht. 41.

¹²⁾ Gr. Log. III. 38—39.

¹³⁾ Log. III. 39—40.

¹⁴⁾ Ibidem. . .

Отсюда проистекает и *простота* всеобщаго. Жизнь его слагается съ высокой внутренней цѣлесообразностью ¹⁾. Родъ есть органическая всеобщность ²⁾, прогрессивно раз-
вертывающая себя самоё, какъ всеобъемлющее единство. Результатъ этого органическаго развитія есть обнаруженіе того, что всеобщность есть единое *все*, въ которомъ „подъ-
ято“ всякое обособленное существованіе. Поэтому, обрѣ-
тая во всемъ *только себя*, всеобщее относится *только къ себѣ*; вся его сложность, вся его полнота ³⁾ и богатство ⁴⁾ ужи-
ваются съ величайшей *простотой* ⁵⁾ и *непосредственностью* ⁶⁾. И въ этомъ сказывается съ величайшей наглядностью, что истинное всеобщее есть сама спекулятивная мысль или абсолютная субстанція. Жизнь ея цѣльна и спокойна ⁷⁾; она подобна органическому, все преисполняющему творческому трепету (*in sich selbst erzittern*) ⁸⁾.

Таковъ характеръ и таково значеніе истинной ⁹⁾ всеобщности. Въ качествѣ спекулятивной мысли она со всѣми своими свойствами есть столь же объектъ, проникающій и охватывающій субъекта, сколь самъ субъектъ, преодо-
лѣвающій и захватывающій объектъ, и заключающій его въ себѣ такъ, какъ чистая форма заключаетъ свое содержаніе ¹⁰⁾. Это означаетъ, на языкѣ обыденнаго пониманія, что жить въ установленныхъ формахъ „всеобщаго“ свойственно не только познаваемой сущности міра и души, но и познающему разуму: разумъ, живя по свойственному ему самому способу, сливается съ познаваемымъ предметомъ („природой“, „душой“, „государствомъ“, „искусствомъ“), который

¹⁾ Ср. Phän. 199. 200. 201. Enc. I. 117. 118.

²⁾ Phän. 221. Ср. 446. 209.

³⁾ Log. III. 160.

⁴⁾ Log. III. 37.

⁵⁾ Ср. напр. Log. III. 37. 37. 108. 160. 166. 332. 345.

⁶⁾ Ср. Log. III. 46. 166. 332. 333. 335. Enc. III. 353.

⁷⁾ Ср. Log. III. 39.

⁸⁾ Ср. Log. III. 253.

⁹⁾ Ср. Phän. 56. Log. I. 48. Log. III. 42. Enc. I. 126. 390. Enc. III. 353-357 (Z).

¹⁰⁾ Ср. Enc. III. 286—287.

живетъ тѣмъ же самымъ способомъ; ибо сущность субъекта есть спекулятивная мысль, и сущность объекта есть тоже спекулятивная мысль. Понятіе познаетъ само себя: всеобщее реально и „само по себѣ“ и „для себя“ ¹⁾. Въ такомъ значеніи всеобщее абсолютно: Духъ восходитъ къ свѣту своей мысли ²⁾, онъ есть знающій Духъ и въ самой истинной сущности своей—„абсолютный Духъ“ ³⁾.

Въ этомъ-то элементѣ живетъ и движется вся философія ⁴⁾. Она искони направлена на него и существуетъ или въ процессѣ самопознанія, происходящемъ въ понятіи, или въ завершенномъ покоѣ состоявшейся познаннысти; нормально—и въ томъ и въ другомъ. Всеобщее въ этой жизни своей имѣетъ свой особый имманентный ему ритмъ движенія и свою абсолютную цѣль. Этотъ ритмъ есть *діалектика*, эта цѣль есть *спекулятивная конкретность*.

Иванъ Ильинъ.

¹⁾ Ср. Log. III. 97—98. 117. 159. 181. 187. Recht. 59. Ph. Gesch. 29—30.

²⁾ Ср. Log. I. 148.

³⁾ Ср. Phän. 418.

⁴⁾ Ср. напр. Phän. 3.